

Эркин Вахидов

В минуту
песни
не порвись,
струна...

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Перевод с узбекского

Москва

«Художественная литература»

1986

ББК 84Уз7
В22

Вступительная статья
Р. Рождественского

Оформление художника
В. Серебрякова

В $\frac{4702570200-310}{028(01)-86}$ 108-86

© Вступительная статья, состав, переводы, отмеченные в содержании *, оформление. Издательство «Художественная литература», 1986 г.

О стихах Эркина Вахидова

Первое стихотворение этого сборника датировано 1955 годом. А заканчивается книга поэмой, написанной и переведенной совсем недавно. Так что перед нами — огромный отрезок жизни поэта. Жизни, которая продолжается и в которой — даже если судить только по стихам — было очень и очень многое.

И сборник этот можно с полным правом назвать своеобразным дневником, поэтическим конспектом становления писателя Эркина Вахидова.

Автор как бы говорит читателю: «Вот, смотри! Смотри, как я писал и тридцать, и двадцать пять лет назад! Что же ты скажешь, прочитав мои первые строки, ранние, юношеские стихи? Скажешь, что они наивны? Ну что ж, я ведь и сам это вижу и соглашусь с тобою, не споря... Однако отказываться от этих — пусть даже наивных — стихов я не собираюсь! Потому что это означало бы, что я отказываюсь от себя самого. Отказываюсь от своих тогдашних слез, тогдашней боли, тогдашних надежд и сомнений. И я помню, как они бились во мне, владели мной и я пытался их выплеснуть, выразить, высказать, как умел. И как мог... Суди, читатель, так ли я это делал. Но прежде, чем ругать меня, прочти книгу до конца и посмотри, как и о чем я пишу сегодня...»

Проследить по одному сборнику достаточно продолжительный творческий путь поэта всегда интересно. Видишь, как поэт начинал, вглядываешься в его истоки, замечаешь, что автор пользовался внешними приметами национальных поэтических традиций, воспринимал эти древние традиции почти неосознанно. В ранних стихах Эркина Вахидова масса всевозможных «соловьев», «роз», «звезд» и «светильников луны». Эти образы выглядят чересчур декоративными и умозрительными.

Путь каждого поэта — это прежде всего путь к самому себе. И я, листая книгу, вчитываясь в стихи, вижу, как Эркин Вахидов искал себя, ощущая, как он вырос с каждым стихотворением, слышу, как наполнялся силой его голос.

Существует такое давнее понятие: восточная мудрость. Все мы привыкли к этому словосочетанию, частенько употребляем его в разговорах, статьях, выступлениях и не обращаем внимания на одну «географическую» странность: получается, что восточная мудрость в мире есть, а никаких иных «мудростей» (скажем, «южной», «западной», или «северной») почему-то не существует. На самом деле это не так. И говорю я эти слова не от обиды за остальные стороны света. Я говорю их потому, что знаю: настоящая поэтическая глубина, настоящая поэтическая мудрость зависит прежде всего от уровня личности поэта, от степени его таланта. И при этом каждый настоящий поэт обязательно испытывает на себе влияние других поэтов. И тех, которые живут рядом, и тех, которые живут и работают за тысячи километров от него. Настоящие поэты — всегда родня друг другу, где бы они ни жили и на каком бы языке ни писали. А знакомство с другими поэтическими традициями, с особенностями других художников — это тоже поиск самого себя, обретение неповторимого собственного голоса.

И Эркин Вахидов хорошо это понимает. Но понимает он и другое: ни в коем случае нельзя отрываться от родных корней, истоков, от живых, заново осмысленных, понятых не только умом, но и сердцем, традиций высокой народной поэзии. И традиции эти постепенно становятся для поэта уже не грузом, а крыльями. Именно они помогают стихотворцу взлететь над обыденностью жизни, по-особому увидеть и по-настоящему ощутить сложный нынешний мир, придают стихам неповторимое своеобразие.

Вот, к примеру, короткое стихотворение «Сталь»:

Она — и блеск и мужество забрала,
Голодных пушек
Смертоносный бас.
В мечи переплавлялась из орала,
И атомною бомбой взорвалась...
Но покорила мир
 пером одним —
Тончайшим воплощением своим.

(Перевод Н. Панченко)

Если говорить о поэтических жанрах, то в сборнике Эркина Вахидова мирно соседствуют лирические и шуточные стихи, легенды и баллады, правоучительные басни, диалоги, монологи и поэмы. Между прочим, такое многообразие жанров тоже свидетельствует о поиске самого себя. О поиске открытом и постоянном, который в конце концов приносит свои плоды. Размышления поэта о людях и самом себе становятся более конкретными, убедительными по интонации, а поэтические выводы — более неожиданными, порою почти парадоксальными.

Думаю, что «заденут» читателя и поэмы Эркина Вахидова. Мне пришлось по душе его искренняя и жесткая поэма «Стон земли», понравилась многослойная и многоголосая поэма «Восстание бессмертных» — о бенгальском поэте Назруле Исламе. Здесь авторский голос

демонстрирует все свои возможности и все регистры — от шепота до крика...

Заканчивая эти недлинные заметки, хочу привести еще одно стихотворение из сборника. Привести целиком:

Не подыскав стихам своим названья,
Я над стихами ставлю иногда
Звезду. В ночи, средь сонного молчанья,
И в шуме дня, средь яркого сиянья,
Как верный страж стиха, — гори, звезда.
Гори в минуты радости глубокой,
Гори в часы печали одинокой.
И в зной гори. И в холод. И тогда,
Когда моя закатится звезда.

(Перевод Ю. Казанцева)

На мой взгляд, это — очень хорошие, точные стихи. В них есть мудрое спокойствие и простор. А еще в них есть боль. Настоящая человеческая боль...

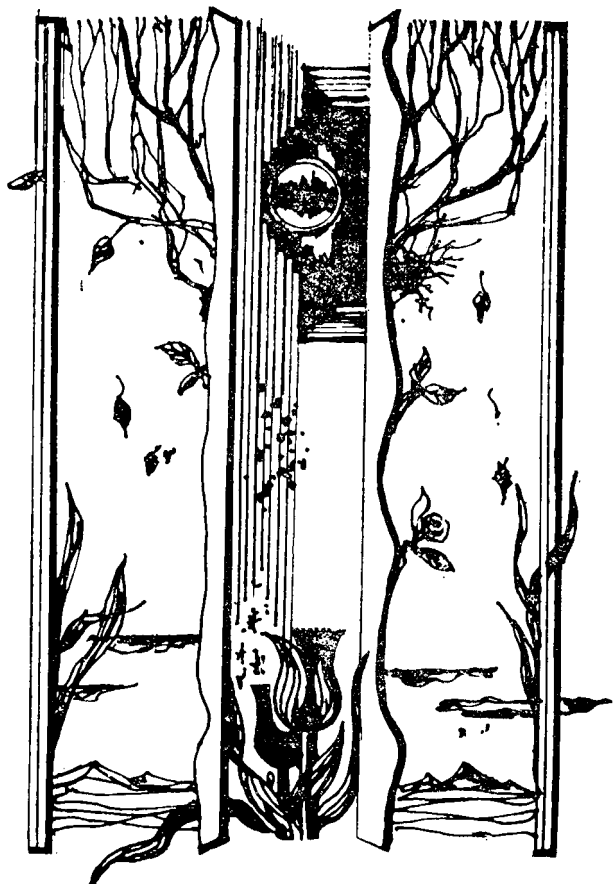
Я понимаю, что в положении каждого автора предисловия существует что-то от старинного балаганного зазывалы: «А вот, мол, уважаемая публика, новая книжка стихов! С пылу, с жару! Торопись, пока не раскупили! Начнешь читать — не оторвешься! Налета-а-ай!!»

Таким зазывалой я быть не хочу. Могу сказать только одно: прочтя этот сборник, вы познакомитесь с интересным узбекским поэтом. Ощутите его печали и радости. Услышите его напряженный голос. Войдите в его дом и в его сердце. Короче: вы узнаете человека, который может стать вашим другом. Другом надолго.

Разве этого мало?

Роберт Рождественский

Стихотворения

О край мой бессмертный, от века цветущий.
Я, верно, с тобой и в бессмертье един.
Не мне ли ростком в твоём свете лучиться?
Не солнце ли общее,
Как и дожди,—
Над нами? И коль умереть мне случится,
То только цветком у тебя на груди.

1955

Рассвет

Рассыпав охапку цветов
В каком-то порыве на скалы,
Он рыжие кисти достал и
Назад обернулся с плато.

О, как он выписывал цвет
Затерянной синей долины,
Где в кровном сплетении линий
Оставил он имя:
Рассвет.

1956

Подруга радуется мигу.
Спешит к любимому она.
А ты опять листаешь книгу,
До ночи сидя у окна.

Еще душа твоя не знает
Любви восторженность и пыл.
Никто еще, блестя глазами,
К тебе с цветами не спешил.

Любовь... О Вертере читая,
Мечтаешь — будет ли она?
А кто-то, как и ты, мечтает.
А на дворе стоит весна.

И светится в апрельских лужах
Дорожка золотой луны.
Ему твой шепот слышать нужно.
Ему глаза твои нужны.

И навсегда из всех на свете
Ему нужна лишь ты одна...
Но он читает у окна,
Как пылко любит юный Вертер.

1956

О скромности

Хоть и спссив необычайно,—
Мол, нет мне равных на столе,—
А все же кланяется чайник
Неприхотливой пиале.

Пусть о себе он вечно трубит,
Пусть воздаст себе хвалу —
А человек, он скромных любит
И в лоб целует пиалу.

1956

Экскаватор

Вошел он в пустыню — железный работник —
без страха,
В полуночный сон.
И мертвую землю — сухую, подобие праха —
Ощупывал он.

Не весила горсть
на железной и грубой ладони
Почти ничего.
Но мертвые губы шептали, просили — он понял! —
Воды у него.

И весь задрожал он
железным отзывчивым телом,
И башню вращал,
И ковш опускал, и шагал — и пескам омертвелым
Он жизнь возвращал.

1958

* * *

Я в поезде ехал, скакал на коне
И просто шагал по родной стороне.
Тот путь, что прошел я за тысячи дней,
Меридиана длинней.

Я многое видел, везде побывал,
Но за перевалом вставал перевал,
И смутно чего-то хотела душа,
Все дальше и дальше спеша.

Трепал меня ветер, и жег меня зной.
Я столько оставил дорог за спиной,
Бездонных ущелий и сумрачных скал...
И все же тебя отыскал.

1958

Ива

— Над озером, склонив тоскливо ветви,
Наполненные предзакатным светом,
О чем ты вспоминаешь молчаливо,
Скажи мне, ива?

Красавица ли вышла этим утром
И над водой, сверкая перламутром,
Прошла зарей беспечной, шаловливой,
Скажи мне, ива?

Или же птица пронеслась над плёсом
В рассветной дымке, легкой и белёсой,
Мгновенной мыслью, ветреной, пугливой,
Скажи мне, ива?

Или о той, о той прошедшей ночи,
В которой две луны, как будто очи,
Сияли в час дрожащего прилива,
Скажи мне, ива?

— Нет, нет, не о заре мое молчанье,
Не о луне, летящей над ночами
Легко, как лебедь, и, как мысль, красиво,
Всему на диво.

Нет, не о том я думаю с печалью
Над озером, над сумрачным причалом,—
Но о волнах, как свитки говорливых,
Таких тоскливых.

...Они друг друга с нежностью любили,
С какою в сны мы обращаем были.
Он статен был, она была игрива
И чуть стыдлива.

Я помню дни, когда под эти ветви
Их загонял весенний синий ветер,
И вслед, вприпрыжку, долговязый, длинный
Апрельский ливень.

Мне кажется — охапкою ромашек
Они оттуда до сих пор мне машут,
Два голубка, два ветра белогривых,
Таких счастливых...

Но этот ветер счастье их развеял,
Когда осенний, листопадный веер
Раскрылся. И мне стало от нахлыва
Так сиротливо.

Я помню эту ночь, и эти слезы,
Слетающие лепестками розы,
И ворох слов: «судьба», «затмение», «силой»,
«Прощай, мой милый!»

Казалось — ночь продлится бесконечно,
Но слезы вечны, а глаза — не вечны.
И из ветвей, где слез ночных извивы,
Смотрели сливы.

С тех пор и я их больше не встречала.
Пойти искать — мне не дадут печали,
Которые корнями вкось и криво
Клянут порывы.

Я спрашиваю — озеро безмолвно
Пожмет плечами, всколыхнутся волны,
Помашет ветер поседевшей гривой
И нем, как рыба.

Я спрашиваю — понижают горы.
Я спрашиваю — поле в желтом горе,
Я спрашиваю — скорбно, сиротливо
Вздыхает нива.

Они друг друга с нежностью любили,
С какою в сны мы обращаем были.
О, как любовь их нежно и красиво
Весны просила...

И в этот час задумайся, прохожий,
Ведь мы с тобою чем-то с ними схожи,
И в сумерках, в час лунного прилива
Мы так счастливы.

И я опять над этим счастьем плачу
И, как могу, его ветвями прячу,
Чтобы шептал ты мне без перерыва:
Скажи мне, ива,
Скажи мне, ива...

1958

Сталь

Она — и блеск и мужество забрала,
Голодных пушек
Смертоносный бас.
В мечи переплавлялась из орала
И атомною бомбой взорвалась...

Но покорила мир
пером одним —
Тончайшим воплощением своим.

1959

Что с башнею напротив происходит.
Зачем приходят люди,

и опять

Колдуют над орнаментами теми,
И ветхис, готовые упасть,
Упрямо восстанавливают стены...
Нет, он понять не в силах!

Для него

Тут только разорительная смета,
Ему противно башни торжество,
В нем сантиментов нет

ни сантиметра.

Еще не знает, жизнь едва начав,
Что жить нельзя без прошлого,

а тени

На этих вот истлевших кирпичках
Вместили память прошлых поколений —
Их чайня, —
Их боль и мастерство —
То, без чего и не было б, пожалуй,
Сегодняшней разумности его,
Его красы

и стройности поджарой.

Что времени нервущаяся нить

Вручается

В неизвестное идущим —

И так порою важно им

Сравнить,

Поставить рядом

прошлое — с грядущим...

1960

Память

Мой милый друг,
Не жалуйся на память,
Ведь забывать — завидное уменье.
Ведь забывать — столь важно, и не менее,
Чем сердце чем-то стародавним ранить.
Как важно, важно вовремя забыться,
К душе своей же отнестись щадяще,
Чтобы о той, подобно мне, чем дальше,
Тем больше
птицей в памяти не биться.

1960

У могилы героев

Мой друг, мой сверстник, слушай!..

Тишина.

И мы здесь молча постоим минуту.

На мраморе теплеют имена:

Могила

погребенных именуется.

Давай минуту молча постоим

И пламень маков у могилы сложим —

На эту землю, что была подножьем

И стала кровом

сыновьям своим.

Земля моя! В ней мертвых — несть числа,

И счета нет за нас с тобою павшим —

За то, чтоб смерть не шла по этим пашням

И эта вот лазурь была чиста.

О сверстник мой, нет мест на ней почти,

Где б память

не назначила свиданья!

И эту землю вечную

цветами

Ты, как могилу братскую, почти...

Да будет впредь и мир на ней и свет,

Безоблачными — дни ее и ночи,

Но трезвыми да остаются очи

И голос памяти — да будет свеж.

О друг мой,

сверстник,

слушай!..

Ночь в Самарканде

Словно четки свои невзначай уронил звездочет —
В синем небе рассыпаны крупные желтые зерна.
Их светильник луны до утра к себе властно влечет,
И они вокруг него все роятся, роятся покорно.
И в ночной тишине, точно лук, изогнувшись дугой,
Полумесяц луны не сомкнет воспаленного века:
Первым плачем ребенка нарушен сторожкий покой —
То не плач ли рожденного вновь Улугбека?
Эти спелые звезды — бери их в ладони, бери,
Собирай с небосвода, как яблони с веток тяжелых,
Эти мудрые звезды я слушать готов до зари —
Столько в памяти их грустных былей и сказок веселых.
Вот мигают они, перешептываются во мгле,
Теплят свет надо мной — и светает душа понемногу.
Я иду по земле Улугбека, по древней земле,
Мне созвездье, открытое им, освещает дорогу.
Затихает в листве неумного ветра возня,
Месяц лодкой плывет, облака, будто пену, ероша.
Я иду по земле, и лежит на плечах у меня
Самаркандское небо — счастливая звездная ноша.

1961

Глубина

Поэссе Зульфии

Нет, не в морях, где не достанешь дна,
А в людях мне открылась глубина —
В сиянье лиц, смеющихся счастливо,
В глазах, чуть-чуть прищуренных пытливо,
В словах, что зреют в нас исторопливо.
И с чем сравнить мне мудрость глубины —
Не с мудрым ли свеченьем седины
Тех, что прошли дорогами войны?
Я знаю, есть в сердцах моря страданий —
От долгих материнских ожиданий,
От черных дней мытарств и от скитаний.
Еще живут в сердцах, еще горчат
Былых пожарищ пепел, гарь и чад,
И раны старые еще кровоточат.
Но есть глубины стойкости и воли,
Есть мужество мечты — не оттого ли
Нас не согнуть любой беде и боли?
Нет, не в морях, где не достанешь дна,
А в людях мне открылась глубина.

1961

Стихи про стихи

Шутка

Рожденная в муках страница —
Опять досидел до утра.
Но автору здесь веселиться
Еще не настала пора!

Еще не корпеть над тобою,
Родное дитя мое, стих.
Строку извлекать за строкою
Из месива слов черновых.

Но как-то. Однажды. Случится.
Негаданный выпадет срок.
Рожденную в муках страницу
Внесу на журнальный порог.

Войдем, как само вдохновенье
И гордость,
Как истины свет.
И встретит нас — весь умиление —
Сотрудник... он тоже поэт.

И я представляю поэту
Тебя от строки до строки.
А он улыбается: — Это... —
Он шутит:
— И это — стихи? —
Читает и в стол тебя прячет,

Свои продолжая дела.
Ах, знал бы ты, что это значит —
Журнальная крепость стола?!

Здесь гибнет рожденный стихами,
Он весь обречен на провал:
Со всеми как есть потрохами
Он меньше, чем «ма-те-ри-ал».

Напрасно ты гредишь отвагой —
Взорлить на усохшем крыле.
Шурши пожелтевшей бумагой
В редакторском прочном столе.

И если ты — слово о лете,
Готовься от стужи дрожать:
Сто раз обернуться планете,
Тебе же лежать и лежать.

Ах, был бы тот ящик могилой!
Так нет же — сумеют достать:
Ах, сколько людей тебе, милый,
Решительно выправят статью.

То — «слишком прозрачно»,
то — «мутно»,

То — «ловко,
Да истины нет!».
И если ты было «Про утро»,
То «Вечером» кончишь, мой свет.

И вот, наконец, многолицый,—
Ни солнце, ни круглая печь —
Появишься ты на странице,
Чтоб души согреть и зажечь.

И я не узнаю калекИ,
Лишь строчку, где имя...

Ну, две...

А критики станут орехи
Колоть на моей голове.

Друг другу задавши задачи,
Оставят тебя в стороне,
И в будущем — новой удачи! —
Желая побитому мне.

1961

Азгануш

Лишь взглянул — тебя увидел, как попал я в эту
глушь?

Явь ли это, сон ли это или встреча наших душ?

Ты в горах своих как птица, выше всех морей и суш,

Я молю тебя спуститься, сердца моего не рушь,

Азгануш, о Азгануша, Азганушка, Азгануш.

Ты ли впрямь та правда жизни или вымысел былин,

Ты ли строчка из газели, от которой мы горим —

Ликом — роза, станом — тополь, как мы вечно говорим,

О Ширин, что мной забыта, ты теперь сама Ширин,

Азгануша, Азганушка, Азгануш, о Азгануш.

Отчего черны так брови, не покрасила ль усьмой?

Сколько душ ты опалила знойной, пламенной их тьмой?

Пожалей теперь узбека, что лепечет, боже мой,

Снизойди ко мне скорее, покажи мне путь домой,

Азгануша, Азгануш, о Азганушка, Азгануш.

Посмотри, там за горами далеко мой отчий край.

Мне ж туда лететь на крыльях — вздох ли, взмах ли —

выбирай,

Полетим туда мы вместе, как летают души в рай,

Окружу тебя цветами, только дай мне крылья, дай,

Азгануша, Азганушка, Азгануш, о Азгануш.

Ереван, 1962

4

Прощание

До свиданья, Кавказа скалистые склоны,
Говорливые воды Куры и Зангу,
Вспоминай обо мне, Арташат мой зеленый.
Я вас в сердце своем навсегда сберегу.

До свиданья, Севан, голубое сиянье,
На твоих берегах я оставил следы.
Молчаливая ива моя, до свиданья,
Ты делила раздумья мои и труды.

Расстаюсь — и не в силах уйти от Севана,
От сверкающих чаек, от гулкой волны.
До свиданья, друзья мои из Еревана,
Этот час наступил — мы проститься должны.

Я не думал, что время так быстро промчится,
А приехал, казалось бы, только вчера.
Я прощаюсь с тобой, Азгануш, чаровница,
Что поделаешь — нам расставаться пора.

Я на счастье с тобой повстречался однажды,
Твое звонкое имя в стихах воспевал...
Так и умер бы, не утолив своей жажды,
Если б только в Армении не побывал.

1962

Нервы

Нервы,
Нервы,
Нервы...
Беспричинные взрывы гнева,
Все мучения, что не от неба,—
Слезы, слезы, текущие немо,
Нервы, нервы, нервы.

Люди нервами с ног себя валят.
Этим нервам бессонницу хвалят,
В сердце кровь превращая в наледь...
Но оно — не стальная стена ведь!
Люди нервами с ног себя валят.

Не давайте им слова, люди,
Не таите же злого, люди.
Жизнь мгновенна — мелькнула,— и будут —
Груды нервов сквозь полые груди...
Не давайте же нервам слова,
Не таите же, люди, злого!

1962

Тыква

В одном саду, раскинувшись беспечно,
Змеилась тыква вдоль и поперечно,
Но ей наскучил этот старый сад:
— С соседним он в сравненье

просто ад! —

Увы, соблазн преследует нас вечно.
И поползла она через забор
Средь бела дня, не крадучись, как вор,
Но с полным правом — поднимаясь выше!
И к вечеру пристроилась на крыше,
И любовалась на соседний двор:
— О, как прекрасно!
Право, как прекрасно!
Здесь просто рай —

ни с чем сравненья нет:

И что за цвет!
И что за мягкий свет!
За что сгубила молодость напрасно?!
Не вверившись отважному прыжку,
Век маялась бы,
радости не зная...

Но как-то раз пришел
Хозяин «рая»
И срезал ей беспечную башку.

1963

* * *

О, были ль ваши помыслы чисты,
Не крылась ли корысть у них в запасе,
Когда вы время
спрятали в часы
И привязали накрепко к запястьям?

Когда его вы заперли в дому,
Препятствуя незримому побегу,
И груз на шею вешали ему,
И праздновали жалкую победу?

Иль, сами в сон от времени удрав,
Укрывшись в ночь от подати подушной,
Когда оно кричало по утрам,
Его душили душною подушкой?..

О, были ль вы провидцами, когда
Себе казались мудрыми богами,
И уловляли сутки и года,
Они ж от вас незримо убегали?

Когда же вы в безвременье ушли,
В немую тину погружаясь тихо —
О жалкие уползшие ужи,
Вас время
оглушительно настигло!

Оно пришло сверх ваших смет,
и сверх
Всех снов пустых,
Что в душах угнездились,
И снова вас поволокло на свет,
К последнему из праведных судилищ.

Так не кляните нашу с прошлым связь
И наше бескорыстное горенье,
И то, что мы пример не брали с вас
И в бесконечном жили ускоренье.

Мы с давних пор усвоили сполна,
Как ветер дней вселенную шатает.
И знали мы: приходят времена —
Любую ложь
расплата ожидает.

1963

Сон в небесах

Сколько звезд, какая бездна
И какой простор!
С мошкаррой свеча Венеры
Строит разговор.
Уплывает месяц-лебедь
В полуночный створ...
В небесах, в объятых бездны
Сын земли уснул.

Он отправился с рассветом
В эти небеса,
И один остался в выси,
Смолкли голоса.
Млечный Путь прибитой пылью
Мягким ложем стал,
И в пуху луны лебяжьей
Он и потонул.

Целый день в бескрайней выси
Сын земли летал,
И в покосы звезд зеленых
Он стихи шептал.
Может быть, он притомился,
Может быть, устал,
Не шумите, звезды-травы,
Не рождайте гул.

Там, внизу, глаза вздымает
Древний отчий край,
Там любимая, как сон свой,
Отвергает рай.
Мать ли плачет, или это
Скорбный птичий грай?
Спит он. Тихие ресницы
Лунный свет согнул.

Покружится до рассвета,
Пролетает он.
А к утру вернется снова
В этот отчий дом.
Он поведает землянам
Свой высокий сон.
А пока повозку света
Тянет скорбный мул.

Месяц светлой колыбелью
В полумгле дрожит.
Колыбельной тихой песней
Аура кружит.
И Стрелец часы покоя
Зорко сторожит,
С наостренными лучами
Встав на караул.

Марс в космическом молчанье
Что-то затаил,
А на синюю планету
Смотрит Альтаир,
Видит, как она готовит
Все цветы свои,
Чтобы сын ее вернулся
В город и в аул.

Сколько звезд, какая бездна
И какой простор...
И горит, горит Венера
На вершинах гор,
Уплывает месяц-лебедь
В предрассветный створ...
В небесах, в объятых бездны
Сын земли уснул...

1963

Пусть приложат все старанья.
Человеческие знания,
Все накопленные знания
По крупичам соберут.
Все о зле
И все о благе
Пусть изложат на бумаге
Как историю народов —
И представят этот труд.

2

И явился полк ученых —
Сорок новоиспеченных,
Кто писал,
А кто читал.
Сорок загов, сорок загов,
Сорок сверхоригиналов
Сорок мучались кварталов —
По три месяца квартал.
И едва возникли груды
Умных книг — пришли верблюды, —
Сорок вызвали верблюдов,
Не ослов и не овец!
Муки слова, мысли муки —
Не пустые штуки-дрюки,
Караван большой науки
Наконец встречал дворец.
И с поклоном к предисловью
Приступили, где: «С любовью!» —
Было сказано — и «кровью» —
Написали этот труд.
Что трудились дни и ночи —
Нет истории короче,
Нет точнее или четче,
Чем изложенная тут.

Падишах, прослушав речи,
Молвил:

— Хожено далече!

Только разве человечье
Это дело — столько книг?
Сами ройтесь в этой гряде.
Мне же впрямь,

чтоб на верблюде,—

На одном подать верблюде! —
Выжав лучшее из них.

3

Снова сорок лбов ученых,
Важным делом увлеченных,
Сорок мыслей извлеченных
Сократили в сорок раз.
Сорок раз за дело брались,
Меж собой соревновались,
Чуть вконец не передрались,
Новый выполнив указ.
Лишь представ опять у трона,
Все — коленопреклоненно —
Просняли...

Но владыка,

Опершись на клюку:
— Молодцы,— сказал,— ребята!
Только снова многовато:
Что возможно для верблюда,
Невозможно старику.
Долго жили, знать, народы.
Да мои недолги годы.
То ли дело — истин своды! —
Как умели в старину.
А пустое опустите,

Как хотите, сократите.
В книгу ж — главное! — вместите,
И не больше, чем в одну!

4

Вновь трудился полк ученых —
Сорок очень огорченных,
В многословье уличенных,
Хоть никто их не читал.
Снова сели в сорок залов
Сорок сверхоригиналов.
Сорок мучались кварталов —
По три месяца квартал.
Одолев разлад и склоку
И закончив дело к сроку,
К изголовью падишаха,
Что еще глядел на дверь,
Что, увидев книгу жизни,
Еле слышно:

— Книгу жизни

Мне,— промолвил он,— при жизни
Не прочесть уже теперь.—
Посмотрел на них с мольбою:
— Знать, обижен я судьбою,
Что теперь — само собою! —
Прежде свечи догореть.
В двух словах — не своды сводов —
Всю историю народов
Мне спрессуйте,

чтобы с этим

Мог я мирно умереть.—
И тогда большой ученый
Вышел,
(В тогу облаченный).

Рек
(Доверьем облеченный
На путях добра и зла):
— Все рождалось,
Все страдало,
Все, страдая, умирало.
Так — ни много и ни мало! —
Вся история прошла.

1964

Верность

И карагач связав тугой петлею
И корни вскрыв, его валили с ног.
А он, вцепившись в землю пятернею,
Из этой почвы вырваться не мог.
Но повалили, как по воле свыше,
И ветви до последней отсекли.

Но и тогда в разжатых корневищах
Унес он горсть своей родной земли.

1964

Вечер над рекой

Платье тучи отделано золотом.
Солнце бросило сеть над Аму.
Положив вдоль по берегу головы,
Волны спят, как детишки в дому.

И темнеет закат из атласа.
В волнах рыба уже не клюет.
И река, их баюкая ласково,
Колыбельную песню поет.

1964

* * *

Не подыскав стихам своим названья,
Я над стихами ставлю иногда
Звезду. В ночи, среди сонного молчанья,
И в шуме дня, среди яркого сиянья,
Как верный страж стиха,— гори, звезда.

Гори в минуты радости глубокой.
Гори в часы печали одинокой.
И в зной гори. И в холод. И тогда,
Когда моя закатится звезда.

1964

Ресницы

Вглядишься — и ресницы в два ряда
Разлучены над заводью, в которой
Бессонница — сухой зрачок пруда —
Тот желтый лист, что от ветвей оторван.

Всю ночь творю я каменный цветок,
А притомлюсь, когда зашепчут птицы,
Смежу глаза — и обоймет поток,
И сладким сном в нем встретятся ресницы.

1964

Маятник качает головой

А маятник все головой качает:
Как суетливы люди иногда!
Беспечные, они не замечают,
Как тают дни, недели и года.

Качает головою в укоризне:
Спешу, прохожий,
Путь не вечен твой!
Спешу, чтобы потом, на склоне жизни,
Не сожалеть, качая головой.

1964

На вокзале

Когда душа от тишины устала,
Томится — беспокойная — тоской,
Иду под своды старого вокзала.
В его прибой — водоворот людской.

Здесь, в суете, в колесном перестуке,
Бок о бок уживаются всегда
Волненья встречи и печаль разлуки,
Слеза, и смех, и радость, и беда.

Здесь беглый взгляд так много обозначит,
Чужих сердец слышнее перестук.
И тепловоз то горестно заплачет,
А то, ликуя, вскрикивает вдруг.

Здесь все бурлит. Отливов не бывало.
И удивляюсь, и понять я тщусь —
Как небольшое здание вокзала
Вмещает океаны этих чувств?

1964

Прошедший день

У карагача двенадцать веток,
Лист упал, земле себя даря.
Это в прошлое уносит ветер
Жилистый листок календаря.

Что он дал? —
Строфу стихотворенья,
Взрезал поле
 бороздами строк.
Что оставил? —
Пену сожаленья,
Счастья ли искрящийся глоток?..

1964

* * *

Друзья,
Не пугайте детей,
 чуть шагнувших на пол с колыбели,
Что шайтан, мол, косматый по улицам бродит в ночах.
Чтоб потом, повзрослев, от испуга они не немели,
Настоящих шайтанов на этой земле повстречав.

Друзья,
Не учите детей
 равнодушию к смерти и крови,
Оградите от злобы их первые, светлые дни,
Чтоб, потом, повзрослев, повстречавши людей на дороге,
Сами людям шайтанами не показались они.

1964

Женам ученых

Вы красивы, как пери,
Вы лунолики,
Вы безбожников истинные божества.
Это вы вдохновляете труд их великий
В дни, когда далеко еще до торжества.

Это ваша любовь, это ваши заботы
Озаряют сияющим светом их дни.
Теплоту ваших рук, погружаясь в расчеты,
На усталых плечах ощущают они.

Вы всегда рядом с ними.
Вас не испугает
Черета невезений, нашедшая вдруг,
И открытые звезды
Мужья нарекают
Именами любимых и верных подруг.

Если химиком новый закон обнаружен,
Значит, в том непременно ему помогли
Приготовленный вами заботливо ужин,
Чашка чая, что вовремя вы принесли.

Все настойчивей
Разум и труд напряженный
Раздвигают границы познаний земных.
Вам спасибо,
Ученых прекрасные жены!
Вам спасибо,
Бессменные спутницы их!

1965

Жизнь — шелест ветерка стремительный

о том,

Что снова и весна,
И гомон у вокзала.
На розу посмотри:

она тугой бутон,

Как будто узелок на память, завязала.
И кто беспечен здесь,

спокоен в мире гроз,

Где грозы и шипы,
Мосты и эстакады,
Где вечный строят мост,
Развязывает мозг
И истинных узлов
И ложных мириады.
И этот вечный мост,

и груз простых забот

Несешь ты на плечах —

ни сбросить, ни оставить.

И сердце все стучит,

покоя не дает —

Твой главный узелок,
Завязанный на память.

Не торопись, мой друг:

успеются дела!

И позвонишь еще. И с новыми делами

Грядет твой новый день —

Пора его пришла.

Готовь же свой платок — да с четырьмя углами!

Сегодня, как всегда,

проснешься ты чуть свет,

Ощупаешь платок,

Блокнот перелистаешь,

Но будет день, когда

увидишь ты, что сед...

Всю ночь проплакал соловей

Всю ночь проплакал соловей
над спящей розою своей,
Оставив слезы на шипах,
на влажных кончиках ветвей.

— О розоликая! — свистел. —
Открой невинное лицо! —
Но просыпается бутон,
едва уснет певец ночей.

Лишь, притаившись под листом,
лукавый чувствовал зефир,
Как напрягается бутон,
едва засвищет соловей.

В пустыне чувственной любви
Меджнунов скольких бедный прах?
Фархадов скольких бедный прах —
в горах, в морях среди зыбей?

Принес я душу на алтарь
твоей, богиня, красоты.
Да прорастет Эркина кровь
Цветком в саду любви твоей.

1967

Бутон

О розовеющий бутон,
 глядящий в жизнь из-под листа,
Покуда в завязи крутой
 твоя сокрыта красота.

Ты другу тайну приоткрой,
 чем тайно мучить грудь свою.
Любовь тем более не прячь:
 ее бесспорна правота.

Любить — ах, если и недуг,
 то все подвержены ему.
Красней! И все же подними
 свою головку от куста.

Ах, может, ты, подобно мне,
 в мечту и пееню влюблена,
И все не то, и вот — никто
 не кормит спелые уста.

На розовой щеке твоей
 я вижу капельку слезы.
Пусть то, что капнуло из глаз,
 прольется словом изо рта.

Поведай мне, я, как и ты,
 в любви признаться не сумел.
И оттого в груди моей —
 то тень тоски, то пустота.

1967

Мечтать — не порок

Внезапно поймана душа,
но виновата ли она?
В сетях запутался олень —
скажите, в чем его вина?

Попалась в плен душа моя,
скажите, в чем моя вина?
Как птица слабая в силки —
ужель никчемная она?

Не первый узник ловких глаз
ты, сердце бедное мое.
Пришла беда
В который раз, —
Любовью мир зовет ее.

Скажи мне — в тесноте сетей —
ты стало пленником любви,
Быть может, волею своей?
Тогда любовь благослови.

От мук любви я бледен стал,
душа усталая темна,
Не стоит в зеркало глядеть,
Ведь это не его вина.

1967

Сердце поэта

Горячее сердце поэта — гранат.
Гранатовым огненным соком
Искристые строки поэта горят.

В упорстве высоком, жестоком
Он сердца привык не щадить своего
И жаркий гранатовый сок из него
Все давит, как будто не зная:
Как только наполнится чаша его —
И жизнь оборвется земная.

1968

* * *

Учителю сказал я: — Вместе с нами
Земля вершит кружение свое.
Но если все мы ходим вверх ногами,
То почему не падаем с нею?

На перемене, взяв ведро с водою,
Учитель среди школьного двора
Вдруг стал кружить его над головою.
Ни капли не упало из ведра.

Года прошли. И позабылось детство.
Давно распахнут нам земной простор,
Плывем, летаем, движемся. А где-то
Все так же зеленеет школьный двор.

И, под ногами ощущая камень
И гул земного жаркого ядра,
Я чувствую себя одной из капель,
Что в детстве не упало из ведра.

Движенья и стремительности жажда,
Как и в земле, живет во мне всегда.
А если вдруг остановлюсь однажды,
То, оторвавшись, сгину без следа.

1969

Монолог Абдуллы Набиева

Я прожег, как вспышка по соседству,
Черных туч угрюмые миры.
Был я искрой, был частицей сердца
Грозовой и пламенной поры.
Был одним из тех багряных маков,
Что сливались в общую зарю.
И, в своих пристрастьях одинаков,
Я с тобой, мой сверстник, говорю.
Я умел грустить, умел смеяться,
Жить беспечным и лихим юнцом.
Было мне семнадцать...
Мне в семнадцать
Грудь прошило вражеским свинцом.
Я не мог в степи встречать восходы,
Был обязан сесть я на коня,
Потому что этого в те годы
Ждал народ от сына — от меня.
Право на любовь? Но слишком рано
Я познал иную страсть и пыл
И не рвал для девушек тюльпаны,
А в сраженьях головы рубил.
Проходя по родине с боями,
Я, как ты, далекий сверстник мой,
Тоже восхищался соловьями
Или поэтической строкой.
Сам бы стал поэтом, может статься,
Если бы иной была пора...

Я не карандаш держал в семнадцать —
Шашку, рассекавшую ветра!
Этого Ильич и вся Отчизна
Ждали и хотели от меня.
Я вошел своей короткой жизнью
В свет и счастье нынешнего дня.
Я в садах, шумящих у дороги,
Я в цветах и трепете весны.
Мне иные дали и тревоги
Были, сверстник мой, не суждены.
Но зато, как вспышка по соседству,
Озарил я мрачные миры.
Был я искрой, был частицей сердца
Грозовой и пламенной поры.

1970

Фотография

Наверное, был он когда-то
Товарищем верным моим.
Но вот не припомню я дату,
Когда познакомился с ним.

И светит усмешка привычно,
С лица отчужденность голя.
Ищу своей жизни частичку
В глазах, что глядят на меня.

И память, как в дымке туманной,
Встает сокровенно во мне,
И отзвук находит желанный
В сознание, в его глубине.

И разум взволнованно будит,
И шепчет мне жарко:
— Вглядиесь!..

По каплям в сердцах ваших, люди,
Рассеяна вся моя жизнь.

1970

Детство

За тонкой пеленой прошедших лет
Пропало детство, бегавшее улицей.
Ушло от нас. Но вот среди бесед
О нем воспоминания волнуются.

Ручьи стремятся дорости до рек,
И к солнцу ввысь весной уходят всходы.
О будущем мечтая, человек
Перерастает прожитые годы.

Как я мечтал скорее подрасти,
Чтобы из шкафа книги брать без стула,
Ответов сколько я искал в пути,
Вбирая жадно шорохи и гулы!

Пусть завтра я уж буду далеко,
Пусть не стремлюсь к тебе вернуться

снова,—

О детство! — материнским молоком
Во мне твоя священная основа!

1970

Сердце и разум

Две силы есть: сердце и разум,
Два полюса жизни одной.
Но что же мне выбрать, коль разно
Они рассуждают со мной?

И в разные стороны дружно
Меня продолжают тянуть.
Но кто из них прав и к тому же
Чей выбрать хотел бы я путь?

Мой разум старается строго
Анализ в поступки внести.
Твердит, что от сердца дорога
Собьет непременно с пути.

Но с разумом сердце не ладит.
Сметая каноны, оно
Зовет меня к кручам и падям,
Безбрежным весельем полно.

К любимой уводит навстречу,
Взметает восторженно ввысь.
А разум жестоко под вечер
Мне книгу вручает: — Учись!

И доводы неумолимы:
Мол, девушка,— разве она
Уж так тебе необходима?
И так ли она влюблена?

Во всем тебе предана так ли?
А голос другой: — Без любви
Ручей высыхает до капли.
Любовь непременно зови!

Мой разум вещает сердито:
— Кому от стихов твоих прок? —
Но глупое сердце твердит мне,
Что счастье лежит между строк.

О разум! Вселенная долго
Внимала тебе, затаясь.
Тебе поклонялась. И только
Над сердцем пуста твоя власть.

Так в разные стороны дружно
Меня продолжают тянуть
И сердце, и разум. К кому же
Направить хотел бы я путь?

Пусть разум даст мне советы.
Отныне, поверьте, друзья,
Велением сердца согрета,
Проляжет дорога моя.

За жизнь мою сердце в ответе.
Нам вместе гореть суждено.
И, что б ни случилось на свете,
Меня не обманет оно!

1970

Кардиограмма

Доктору Матлюбе Закировне

Кардиограмма.
Абрис или образ
Из линий весь...

Что говорят они?
Зачем стучится это сердце в ребра,
Как в страхе птица в прутья западни?

К чему мятеж?
Чего же оно хочет?
Что просит саламандра — друг огня?
Вам, доктор,
Внятен этот беглый почерк, —
Скажите, что он значит для меня?

Не линия ли жизни, если строго
Ее назвать: граница бытия?
Не линия — так, может быть, дорога? —
Зигзагами, как каждая, моя...

Кардиограмма — взлеты и паденья.
Везде шипы и где-нибудь цветы.
Вы выбирали горы,

а не тени
От этих гор, а горы-то — круты!
Не знали мы ни страха, ни покоя,
В глухой стене
проламывали брешь.

Я знаю,
Это дело непростое,
Работа сердца — очень нелегка:
И день и ночь — до смерти —
без простоя,

Без устали
Превозмогать земное
Пространство,
Где уснули облака.
Где эта тяжесть времени
и скорость —
Машины, самолеты, корабли,
Когда сердца — во множестве и порознь! —
Заведуют вращением Земли.
Когда сжимает у такого края,
Где бремя жизни с временем сошлось,
Аорта сердца
или ось земная —
Суть крови ток,
Твоя земная ось.

Я не искал — удобнее усесться, —
К чужому не цеплялся
колесу.

Прости меня,
Мое больное сердце,
Что до ста лет тебя не донесу.

Но верю я: грядет!
Вдыхаю время,
Где бремя невесомо и ярмо.
А ты гори, гори:
твое горенье,
Уже оно — грядущее само...

1971

Абай

Памяти великого певца Казахстана

В полуденном солнце колышутся белые волны:

Клубится песками

и плавится даль, выгорая.

От моря Аральского вплоть до Урала и Волги —

Пустыня сухая,

Куда ни помотришь — без края.

Земля на ветрах доносила последнюю зелень.

Один солончак

рассеивает тщедушное семя.

Неверные реки покинули древнюю землю

И русла — как руки свои! —

Протянули на север.

Там доли и боры

и птицы — лесные поэты.

Здесь — ветер бездомный,

Всеобщая чахлость созданий.

Мне кажется, край этот —

голые плечи планеты,

Извечно натертые тяжестью наших страданий.

Как парусник смелый,

Ныряя в волнах океана,

В бескрайнем просторе,

не зная надежды и страха,

Не зная покоя,—
В борьбе и любви постоянна! —
Лилась здесь одна бесконечная песня казаха:
«О бедный казах,

о нехоженный край,

Неуютный!
Кто в шубе роскошной —
На сытом верблюде
и сытый.

Кто в ветхом тряпье —
На земле ненадежной и утлой.

О бедный казах —

Изнуренный,

Веселый,

Забитый».

Лилась эта песня

души молодой и ранимой —

И кровью тюльпанов вскипала пустыня рябая.

Из самого сердца

Голодной и голой равнины,

От горя и слез начинается слово Абая.

Земля пробуждалась

от первого вешнего грома,

Тяжелое небо во тьме озаряла зарница,

С холмов на холмы просверкав,

как от дома до дома,

Горящая песнь

Вырывала из сумерек лица.

Акына глаза прозревали далекие страны.

И звуки камуза

исполнились истинной верой.

Певец умудренный

Услышал страданья Татьяны¹,

¹ Абай перевел на казахский язык письмо Татьяны к Онегину и положил на музыку.

Потерянное стихотворение

Явилось мне на краткое мгновенье
И вновь ушло неведомо куда...
И в памяти о том стихотворенье
Ни эха не осталось, ни следа.

Но все, что в существе моем когда-то
Болело, стыло, пело, жгло огнем,
И все, что для меня поныне свято,
И все, что ненавистно, —
Было в нем.

Оно несло в себе заботы века
И светлую возвышенность мечты,
Ранимое, как сердце человека,
Исполненное мудрой красоты.

Поэтами земли, их вечным правом
Жить, продолжаясь каждою строкой,
Клянусь: оно бесценным было сплавом
Всей горечи, всей радости людской.

Так почему же дал я кануть в Лету
Сокровищу! Как мог утратить я
Земное чудо, вышедшее к свету
Из бессловесной тьмы небытия!

Заворожив, оно мелькнуло рядом
И растворилось музыкой во мне,
Как образ той,
Что некогда Фархадом
Увидена в зеркальной глубине.

И с той поры в мучительной погоне
Я исходил тернистые пути.
Тяну к нему незрячие ладони.
Ищу его — и не могу найти.

Какое бы ни затевал я дело,
В какой бы дальний ни заехал край —
К нему взываю каждой клеткой тела:
— Приди ко мне! Забвением не карай!

Когда гуляю по садам осенним
И вижу щедрость края своего,
Я вспоминаю то стихотворенье,
Его внезапных красок колдовство.

Когда людей, чьи помыслы прекрасны
И чьи деянья помыслам под стать,
Встречаю я —
Как солнце в день несчастный,
Оно передо мной сверкнет опять.

Когда хирманы хлопка белокрыло
Красуются в полях на радость всем,
Я думаю: оно таким же было —
Воздушным и весомым вместе с тем.

Я им пленен. Я у него во власти.
Мне падать и опять шагать вперед.
И пусть другому улыбнется счастье,
И пусть не я — другой его найдет,

Везде — во мгле чашоб, в песках пустыни —
Идти я буду по его следам,
И все, что мной написано доньше,
Без сожаленья за него отдам.

1972

Письмо к друзьям

Я распахнул окошко на рассвете.
Я утреннюю увидал звезду
И услышал, как легкий горький ветер
Блуждает в облетающсм саду.

Мой сад другим стал. За ночь пожелтел он.
Кружись, листва осенняя, кружись.
Как незаметно лето пролетело!
Как незаметно пролетает жизнь!

Еще вчера веселою ватагой
Мы в поле выходили на страду.
Мы жадно жили. Дней нам не хватало.
А нынче листья падают в саду.

Но ранняя звезда мне снова светит.
Я вижу пруд и лунные поля.
Мне юностью в окошко дышит ветер.
Ау, пора счастливая моя!..

Ау, Анвара! Где твоя дóрога?
Ау, Шакир! Как жизнь твоя идет?
Карим, ау!.. Мне с каждым днем дороже
Все то, чего никто нам не вернет.

Еще вчера нас осень осыпала.
Но жизнью мы, увы, разлучены.
Ау!.. Чей сын сегодня поступает
На факультет, где отучились мы?

Пускай грустны мои воспоминанья.
Но свет их, словно музыка, во мне.
Горит звезда рассветная над нами,
Над всеми нами в синей вышине.

Друзья, пусть разлетелись мы по свету.
Но дружбы той цветет еще лоза.
И в коридорах университета
Звучат, как прежде, наши голоса.

И ничего, что осень на пороге.
Следы веселых лет в своей пыли
Еще хранят грунтовые дороги,
Которыми с полсь мы с вами шли.

И не погасли алые плакаты.
Они о хлопке снова говорят.
И не погасли алые закаты,
Где песни нашей юности звучат.

Пускай навек умчалось наше лето,
Но вновь в руках коробочка легка.
А может быть, в руках у вас поэта
И друга, вечно вашего, строка.

Мы сердцем до сих пор еще студенты.
И как бы ни одеты были мы,
На нас все те же фартуки надеты.
И хлопка эти фартуки полны.

И к вам я обращаю строки эти.
Вы — счастье, что навеки мне дано.
Пусть на рассвете сам осенний ветер
Письмо мое забросит вам в окно.

Пусть он воскресит воспоминанье,
Чтоб в сердце не погасло никогда
Минувшего высокое сиянье.
Любовь и юность. Ранняя звезда.

1974

Вера

(Баллада о сгоревшей звезде)

Ни кола, ни двора,

 никакого доходного дела.

Был далек от соблазна,

От праздного мира далек.

Ничего не имел, что для прочих значенье имело.

Только в сердце неопытном — веры живой уголек.

Эта вера явилась в еще не опознанном слове,

Назначеньем пришла,

Указаньем начала начал:

Был он связан судьбою — дыханьем,

 движением крови! —

С миром музыки, с миром,

Что в сердце природы звучал.

И — призванию верный — он слушал прозрачные росы,

Перезвоны цветов,

 постигая иное родство.

Мир степной тишины,

Этот явный — для всех безголосый! —

Миллионами звуков его наполнял существо.

И едва не безумьем в глазах загоралось сознание —

Осознание смыслов,

От нас ускользавших хитро.

Вместо твердого знанья

Природа — нетвердое знанье! —

Изначальное знанье влагала в живое нутро.

Нет, он не был еще ни творцом,
Ни хозяином звука,
Только слухом владел и, в трудах наживая лета,
Свято верил в искусство,
Которое тоже — наука,
Только больше, поскольку
В нем прежде всего — доброта.

И мечтал он о встрече с творцом,
Чьи мелодии в сердце звучали,
С несравненным устозом
Свиданье счастливое звал.
Под волшебные песни его засыпал он ночами,
И под эти же песни — веселый! —
Он утром вставал.

А земля все летела —
Вращались небесные сферы.
И однажды случилось — не в поисках принятых благ,
Но на крыльях надежды,
Глубокой и искренней веры
Юный ангел невинности молча покинул кишлак.

Город встретил его не цветами.

И вовсе не встретил

Тот устоз, что в сердцах
И в веках проложил колею.
Только ангел был скромн — как ангел, —
И он не заметил...
И чуть утро направился сам к своему королю.

Спал король поутру,

отдавив себе толстое ухо:

Утомил короля заседаний немислимый труд.
Распростерши объятья,
Не встретил он ангела слуха,
Не спросил, ни откуда, ни кто он, ни как, мол, зовут.

Робко скрипнули двери —
Рассерженно хлопнули двери,
Да залиvistый храп
Тяжело прогремел за порог.
Если Песня храпит,
 как держаться неопытной вере?
На земном пьедестале качнулся незыблемый бог.

И стоял, каменея,
Роняя тяжслые руки,
Ангел слуха и света,
Теряя безмерную высь.
— Неужели такие,— роптал он,— небесные звуки,
Эти гимны добру
В этом сердце тупом родились?!
Неужели стихи —
 не умытые росами розы?
Это радости слезы,
Когда лепестки в серебре.

Было жадным желаньем — желанием жизни! —
К устозу
Первой песней прийти
По серебряной, белой заре.

Догорела мечта и упала слезою горячей,
Где еще до зари
Пролетала, крылами шурша.
Жертва случая — ах! — до чего непредвиденный случай,
Что погас уголек —
И черна от безверья душа.

Слышишь, небо, зачем
 не распутало черные сети,
Где и старцы как дети
И дети черствы искони!

Почему эти два, эти ангелы,
Здесь на планете,
Не меж звезд — почему? —
На земле
Повстречались они...
И упала звезда

по какой-то из странных традиций;
По какой — звездопад —
Безотчетная, злая пора.
Может, Пушкин убит
на заре,
Перед тем как родиться?
Может, Моцарт погиб?

Не когда-то, недавно — вчера...

1976

Дети

Вы отцы,
А мы покуда дети.
С нас — поклон, а с вас — принять поклон.
Роза горделивая в расцвете
Смотрит, усмехаясь, на бутон.

Вы отцы,
А мы покуда дети,
С вас — указ, а с нас — увы! — одно
Послушанье... Почему же этим
Послушаньем все запрещено?

Тикают часы — тик-так! — стенные,
Счет ведут секундам и векам.
Невдомек вам,
Что из них иные
Сами так и тянутся к рукам.

Вам они — тик-так! — металл и никель,
Вам на стрелки искоса глядеть.
Нам — пока в их тайну не проникли! —
Можно ли спокойно усидеть?

Зеркало годится — строить рожи,
Облако — промчаться без вожжей,
Если в землю всунуть острый ножик,
Вырастет ли дерево ножей?

Мы — очаг ошибок и догадок,
В них и вред,
И выдумка, и бред.
Впрочем, безошибочен порядок
Лишь такой, где будущего нет.

Вы отцы,
А мы куда дети,
С нас — поклон, а вам — его принять.
Почему ж мы вечно на примете?
Вовсе ль нас немисливо понять?

Нет, вы понимаете порою —
Вы не так чтоб вовсе в стороне.
Кажутся нам детскою игрою
Ваши игры — взрослые вполне.

Редко мы,
Ну, скажем, за конфетку,
Можем быть неискренни, хитры.
Вы — за то же самое — нередко
Ближнего дерете за вихры.

Лишь повздорим мы из-за чего-то,
Вы уже за прут — и разгонять.
Сами же на лесенке почета
Сцепитесь — и некому разнять.

В праве вы — отцовском! —
И в законе,
Но хитро течение реки:

Близок миг, когда мы вас догоним,
В детство вы вернетесь, чудаки.

Станут ваши — выдумки и жертвы.
Станем мы
Лукавить неспроста...

Детство — это сущность совершенства.
Старость — это детства высота.

1977

* * *

Ни минуты нету лишней.
Но когда она была?
Это дело вновь не вышло.
Но кончаются ль дела?

Ведь, как время безгранично,
Безгранична и мечта,
Вслед которой тянешь руку,
А она не подала.

Ты стремишься к совершенству
Всей земли и жизни всей.
Что за диво — в совершенстве
Жизнь с землей тебе лгала!

Отвергая жизнь и землю,
Отвергая что потом,
Воспарил ты над землею,
Но на землю тень легла.

Будет время, лопнут узы,
Всем делам придет конец,
Ведь трудов твоих и тени
Смерть с собою не взяла.

1977

Господь и сапожник

Молил сапожник:

— Не пренебреги!

Хоть раз взгляни,
Войди в мое жилище.
Уж я тебе стажаю сапоги,
Заштопаю, как надо, голенище.

Господь взглянул

и отпер старику

Блаженной жизни ангельскую тропку.
Вздохнул старик:

— Мне б лучше угольку

Да хвороста сухого на растопку.

Господь молчал,

качая головой,

Потом сказал,

Не пренебрег ответом:

— Вон за окном извозчик ломовой.

Он — бог твой.

И его моли об этом.

1977

* * *

Словно дети, боясь,
Что загонят их рано в кровать,
Дотемна пропадают,
Хлопот доставляя немало;
А уснут —

не разбудишь:

Уснув, не желают вставать,
По утрам с головой
Зарываются под одеяло;

Словно летом, в Крыму,
Над желанной шипящей грядой,
Мы стоим,

не решаясь

К прибою приблизиться с ходу,
По мгновенью в воде —
И уже, наслаждаясь водой,
Мы не можем покинуть
Привычную,
Теплую воду;

Так, рожденный на свет
Из невнятного небытия,
Горько плачет наш брат
В роковые мгновенья заката:
Очень жалко ему
Покидать обжитые края,
Очень страшно ему
Возвращаться из жизни куда-то...

1977

* * *

Открытый мной
и не открытый мной
(Непознанный и познанный, нетленный!),
От мизерной песчинки до Вселенной —
Известный
и сокрытый за стеной,
Уму непостижимый —
Стороной
Таящийся,
И — вдруг! — обыкновенный
Великий мир,
я малая твоя
Частица смысла —
разума ли,
чувства,
Науки ли?
На муки ли искусства
Был обречен рекою бытия?
То жизнью я
меж волнами бегу,
То мыслями живу на берегу.

И страстность песни увлекает жить.
А сладость мысли — истине служить.

Что ж истина:

раздумье или опыт?

Но главное: собой не дорожить.

И непокой,

и свой бессонный шепот,

И сердца боль,

невнятную уму,

Не отдал бы я в жизни никому.

1978

Железные гении

Академику Василию Кабулову

Кибернетика — чудесная страна! —
Царство гениев, творцов железотелых.
Кибернетика —
 прозренье,
 глубина,
Смелость помыслов
И поисков умелых.
Скорость мысли максимально велика.
Вот он —
 простенький
 мудрец железнолицый —
Миллионами ворочает, пока
Мы в уме едва слагаем единицы.

Кибернетика —
 коробку подключи
Черепную из титана или стали —
И уходят во вселенную лучи
И обсчитывают
Новые детали.
Смело в шахматы сыграет с «ЧС-7»
Ящик с кнопками —
 «Каисса-90».

Ну а этот
Образованный совсем —
Разбирается с формальностями ГОСТа.

Вот художника

иссоновый глазок —

Он увидел — нечто! —

Сверхчеловечье.

Переводчик

с непрочитанных азов

Переводит на грядущее наречье.

Без скандалов

И не то чтоб —

до звонка! —

Вечно трудится

Отряд железноротый.

Столб железный, словно ствол,—

до потолка —

Управляет разветвленную работой.

Кибернетика —

вершина из вершин

Рукотворных,

Человеческих созданий.

Ни прогулов, ни отгулов у машин,

Ни — тем более! — досадных опозданий.

Ни корысти — ни снаружи, ни внутри! —

Ни претензий к переводу или снимку,

«К-14» не станет на «Б-3» —

Анонимку,

Анонимку,

Анонимку.

Ни, конечно, суэты и болтовни

Заседательской,

с парадными речами;

Ценят — каждое мгновение! — они,

Ощущающие

Вечность

За плечами.

И, железно, размещаясь по уму,
Ровно делают — ни много и ни мало —
И не требуют награды

потому,

Что всего лишь —

Из металла,

Из металла.

Ни инсультов, ни инфарктов —

повезло.

Без сомнения вершат любое дело.

И ученые их прячут под стекло,

Чтобы их людской тревогой

Не задело.

Не грусти, железотелый, не грусти,

Вот тебе на зуб

от скуки

антитеза:

Треволнений наших не перенести,

Если ты не человек,

А из железа?

1978

Молодым поэтам

О, мне бы годы юные твои!

Хамид Гулям

Давно известно: ветреная Муза
Всегда предпочитает молодых.
Маститым не завидуйте:
обуза
Признания обязывает их.

К тому же —
именитого поэта
Стократ дороже истинный поэт.
Вы — первый луч,
Вы — зароженье света,
Незамутненный над землею свет.

Вы — в радости,
не в каторжной работе:
Искусство от души, не от руки.
Себя не выставляя на охоте,
Стоят в сторонке лучшие стрелки.

Стоять в тени!
Иному верить свету —
С невидимой уздечкою в горсти...
Увенчанному лаврами поэту
Возможно ли за истиной брести?

Увенчанному — дело не простое! —
Под лаврами клонится голова.
На тое — он вниманьем удостоен.
Отныне что ни день — то торжества.

Быть на виду —
и это справедливо!
Поэт обязан жертвовать собой,
И всех великодушно осчастливить,
Кто счастлив собутыльничать с тобой.

Ты знаменит —
и, значит, не перечишь,
Увенчан — и не смеешь унывать!
Когда везут с младенцами на встречу:
Им чувство слова с детства прививать.

Теперь, как говорят, не поскучаешь.
(Но долго ль в суете не заскучать?!)
Не ты
сердца людские изучаешь —
Твои поэмы стали изучать.

А ежели пешочком прогуляться
Случится вдруг,
Как требует живот,
То станут все вздыхать и удивляться,
Что-де поэт
Не едет, а идет.

Чинов высоких
И глубоких кресел
Достигнешь, восходя не без греха.
И что ни утро: вроде что-то весил.
И что ни вечер: только шелуха.

Ах, стоит стать заметным —

и замены

Уж нет,

Дела мелькают, мельтешат.

И объявить тебя почетным членом

Стотысячного «Общества» спешат.

Как птица в гуще

путаного сада.

С куста на куст — по стульям и столам —

Скачи, поэт.

А ночью для доклада

Точи свой поэтический калам.

Всего достиг —

пределов человеческих

Желаний.

Ты уверен и мастит.

Но жар твоих стихов, не происшедших,

Холодным пеплом

На сердце лежит.

И в час, когда, по темени седому

Ладонью проведя,

своих потерь

Постигнешь меру,

Скажешь молодому:

— О, мне твою бы молодость теперь!

Маститым не завидуйте:

обуза

Признания обязывает их.

Давно известно: ветреная Муза

Всегда предпочитает молодых...

Страус¹

Он говорил:

— Люблю покой и труд.—

Он говорил:

— Да полно суетиться! —

Верблюдам говорил, что он верблюд,

А птицам — настороженно! — что птица.

Он прожил жизнь — и он не прожил дня!

Плыл по теченью, ничего не знача.

Жил — страусом,

Как вся его родня:

Лицом в песок, глаза от жизни пряча.

1978

¹ Страус — по-узбекски — туякуш. Состоит из двух слов: «туя» — верблюд и «куш» — птица.

* * *

Родился он на свет — болтливей бубенца!
Все в склоках,
 в суете,
За прошлым днем в погоне.
Все делал,
Ничего не сделав до конца.
Все с ходу понимал и ничего не понял.

Однажды наконец,
Умом войдя в лета,
Он жизнь — что так проста! —
Постиг: отпала злоба.
Сказал: «А ну ее к та-та, та-та, та-та!» —
Махнул на все рукой,
Захлопнув крышку гроба.

1978

Сожаление

Надо, надо бы вчера
В дни мальчишечьи вернуться.
Невозвратная пора —
Та наивная игра,—
К ней уже не дотянуться.
Перейден давно порог.
Друг мой сжульничал открыто.
Но сказать ему:
— Иди ты!
Не играю я с тобою! —
С той наивной прямою
Я вчера уже не смог.

1978

Длинные стихи

(Шутка)

Узенькие строки,
Длинные стихи.
Не суди, мой строгий,
Если не с руки.
Но пройди по краю,
Как никто другой.
Я ль тебя не знаю,
Книжник дорогой!
В жизни я немало
Истоптал сапог —
Всякое бывало
И немало впрок.
И с чего — не знаю —
Мне приснился сон:
И к добру ль — не знаю —
Не к добру ли он?
Только пламя билось
Да лилась вода.
Все переместилось
И невесть куда.
Всюду кони бродят,
А хозяев нет,
Землю вдруг скородит
Друг-искусствовед.
Правильно, примерно —
То-то чудеса! —
Правит птицефермой

Рыжая лиса.
На печи жиреют
Тучные коты,
Мыши им отгрызли
Сонные хвосты.
И бараньим салом,
В рюмку сунув нос,
Потчует шакала
Наизлейший пес.
— Эй! — кричу я. — Братцы! —
Пастуха кричу.
Говорит он:
— Драться
Вам не по плечу,
Проще оборона
И атака тож:
«Я тебя не трону —
Ты меня не трожь...»

Это ли порядок?
Это ли дела?
Бабочки вдоль грядок
Словно вдоль стола.
А пастух:
— Ну что же!
Знаешь, съел, кто смел. —
Глянул я — о, боже! —
И окаменел.
Вдоль деревьев косы
Сорного вьюнка,
Вылетают осы
С медом из летка.
И в павлиньих перьях,
Родом из жулья,
Обучает пенью
Филин соловья.

Я кричу:
— Садовник!
Что же это, брат:
Погубил тутовник,
Разоряешь сад...—
Говорит он строго:
— Сам ли, брат, хорош?
Я тебя не трогал —
Ты меня не трожь.
Кончим дело ладом —
Мы ли не родня?..

Пот холодным градом
Катится с меня.
Воздух разрубая,
Врезался звонок —
Вижу сам себя я
С головы до ног.
Руки-ноги целы.
Сверху, не спеша,
Воротилась в тело
Грешная душа.
В головах —

подушка.

Значит, это сон.
Словно колотушка,
Будит телефон.
И с кормушки птица
Песенку поет —
Что во сне, мол, снится
Все наоборот.

Живые планеты

Потоком света, что похож на ртуть,
В моем окне мерцает Млечный Путь.
Как дивно то, что в том потоке света,
Подобно пыли, мириады звезд
Роятся; среди них свои планеты,
Свои миры, кружащиеся врозь...

Наедине с начертанною долей
Проходят путь сто тысяч тех миров,
Среди которых вольно и неволью
Найдешь такой, где есть и плоть, и кровь.

И человек, ища себе собрата
В пустынном одиночестве своем,
Шлет экипажи, волны шлет куда-то
И держит телескопы на «прием».

Как будто там, в мерцающих созвездьях,
Такой же разум, мудрый и простой,
Сквозь каждый вечер сумеречно-свежий
Рукою машет светлой и пустой.

И не поймет, а может быть, не знает,
Не хочет знать он, что другая плоть,
Быть может, здесь, как музыка иная,
Как свет иной, свой отголосок шлет.

Что кровь другая — это здешний сумрак,
Другая жизнь — шуршанье камышей,
Или же маки, брызжущие утром,
Как брезжит утро маковкой лучей.

Что незачем искать ему в пустотах,
Еще раз снаряжая экипаж,
Родное и таинственное что-то,
Что каждый день он видит как мираж.

Но мир, аж до краев его вбирая,
Разумной мыслью гордый человек
В своем же сердце вряд ли ад от рая
Умеет отличить за долгий век.

И так живет. И тайны в нем роятся,
Как пыль кружится, свой хаос верша.
И с мирозданьем не хотят равняться
Вселенные с названием Душа.

И вновь потоком, что похож на ртуть,
В моем окне мерцает Млечный Путь.

1979

Философия выгоды

По расчету, не случайно,

не кому-нибудь другому,

Я тебе открою тайну,

не кому-нибудь другому,

Чтобы нам не ведать скуки,

не кому-нибудь другому,

Мы себе развяжем руки,

не кому-нибудь другому.

Будет польза от науки —

Не кому-нибудь другому.

Будет каждый занят делом,

только мудрствовать не надо,

Помни: честным быть и смелым —

это глупому отрада,

Будь не смелым, да умелым,

а бесхитростным — не надо.

Разве может быть обузой

тяжесть вызревшего сада?

Твой успех — моя награда,

Мой успех — твоя награда.

Где рука не моет руку —

— это очень плохо, братец,

А услуга за услугу —

так и выкрутимся, братец.

Дал фискалу половину —
он язык завяжет туже.

И ему не ломит спину,
И тебе, поди, не хуже.

Помни: меч — оружие глупых,
и щитом встречай дракона.

Кроме выгоды — поверь мне! —
нет для умного закона.

Если встретишь крохобора —
да спасет с ладони кроха! —

Будет он вне подозрений,
сам не будешь ждать подвоха,

И ему не будет плохо,
И тебе не будет плохо.

А до чина либо сана
добредешь, в придворном списке —

Первым делом,
первым самым —

приближай родных и близких,
Чтоб в порядке обороны

не давать чужим повадку,
Чтоб никто, кладя поклоны,

не кусал тебя за пятку,
Но любой из приближенных

Был опорой порядку.

Если в ком-то ясность взгляда
и движение не в ногу,

Проучи его, как надо,
дай ничтожному дорогу,

Пусть дурак слывет геросом,
глупый голову натрудит.

И себя он не откроет,
и тебя он не осудит.
Хорошо дурному будет,
И тебе неплохо будет.

С этой мудростью убогой
далеко пойдешь, мой милый.
Но какие же итоги
подведешь перед могилой?!

1979

К душе моей прислушаться не лень,
И если вы считаете, что завтра
Я нужен вам,
Как в этот час и день,

Тогда

со всеми,

кто со мною дружен,

Отложим эту встречу

до другой.

Никто из вас сегодня мне не нужен.
Я встретиться хочу с самим собой...

Друзья мои,

когда случится,—

с вами

Такие речи заведу едва,—

Не верьте мне!

Не будьте недрузьями:

Слова такие —

не мои слова.

Я жало змея

возвращаю змею:

Я, может быть,

сумею без него.

Убейте лучше,

Если не сумею,

Но жить не оставляйте одного.

Зовите в гости,

Находите дома,

Витийствуя,

творите бытие.

Чтоб из дверного черного проема

Не выло одиночество мое.

1979

Канадский ЦИКЛ

1979

Песня забвения

(Монолог нищего)

Лежу, как падаль, на краю кювета,
Весь прочий мир
От сердца отстраня:
Мне дела нет до суетного света,
Как свету — нету дела до меня.

Я — прах и тлен;
Я век не ел и не пил —
И жизнь свою не ставлю я ни в грош.
Да сгинет ложь, да превратится в пепел
Поднявший нож
И восприявший нож.

Но есть душа...

А сердце помертвело:

В глазах — туман,
В пустых глазах — туман,
Друзья — туман! — кому какое дело,
Что этот век — бандит и наркоман?!
Он сыт — вот так! — добычей и враждою:
Борьба — закон,
Его закон — беда.
В конце концов, обглоданный нуждою,
Я выплюнут, как косточка, сюда.

К чему теперь
Досада и обида —
Куда-нибудь добреть и как-нибудь.
О жизнь моя,
Ты жизнью позабыта!
И ты живых прижизненно забудь.

Я весь изорван,
изнурен, исколот,
И, голода весь век не утоля,
Уже не знаю я —
Где пол, где полог,
Здесь небо?
Или все еще земля?

Откуда, где я
сделал неумело
Свой первый шаг —
Начало всех путей?
О, родина!
Какое сыну дело
До матери,
Покинувшей детей!
Лежу и к небу
простираю руки —
Исколотые, синие, в крови.
Как волчья песнь мои пустые звуки,
Забвение, спустись —
Благослови!

Забуть, забыть
Мгновенье жизни этой:
Что значит перед вечностью оно?

Ни истиной,
Ни верой не согрето —
Зачем же мне оно тогда дано?..
Лежу как камень, на краю кювета,
Всей жизни бред
От сердца отстраня:
Забвение — и нет меня для света,
Как суетного света — для меня.

И все ж тревожным запестрело цветом,
А надо бы в 17-м году,
В пеленках вас...

Жалеем мы об этом —
Уж так, что слов достойных не найду!

В глазах миллионера из Оттавы
Я все прочел,

пока он, лебезя:

— Как счастлив,— говорил нам,—
Что сюда вы
Приехали,
Пожалуйте, друзья!

Монолог зла

Ты — хороший и добрый.
Я — зол, бессердечен, суров.
Но пока ты здоров — все в порядке! —
Я тоже здоров.
Вероломным и страстным — такие-то вышли
дела! —
А тебя — безопасным,
Беспомощным жизнь создала.
Ты — росток, я — мороз.
Я — огонь, я — гибель твоя.
Ты — само бытие, я — извечная смерть бытия.
Если день ты, то я —
Беспросветная, черная ночь.
И куда ты жив, я тобой поживиться не прочь.
Я всегда беспощаден,
И я потому пощажен,
Что рожон я, а ты
От рождения прешь на рожон.
Но велик этот свет,
Где под солнцем — и добрый и злой,
По прошествии лет оба станут землей и золой.
Я — за пазухой камень,
В словах моих ласковых — яд,
А в глазах твоих слезы от этого вечно стоят.
Ты во мраке идешь,
Ты несешь свою жизнь, как свечу,
Я лукавую ложь, как ловушку, поставить хочу.

А вначале — я слабый,
Змееныш,
Пустые слова,
Но едва уцелеет — вначале! — моя голова,
А она уцелеет, где — вправе! — грабеж и разбой.
А змееныш — драконом
Тотчас предстает пред тобой.
И тогда узнаешь ты, как я бессердечен, суров,
И пока ты здоров — что поделаты! —
Я тоже здоров.
Я отменно плохой,
А вселенная всем хороша,
Но по праву живет в ней любая живая душа.
И не пробуй перечить — исторгнуть из цепи звено:
Я — атака, ты — бегство, и это давно решено.
Я — начальственный окрик,
Ты — робкие полуслова,
Я — и пуля и порох, — и жизнь потому такова.

Ты — хороший и добрый.
Я — зол, бессердечен, суров.
Но пока ты здоров — все в порядке —
Так будь же здоров!
И скажи мне спасибо,
Что жив ты: когда бы не я,
Не сумел бы и ты устоять на путях бытия.
Ослабел, растворился б от счастья,
Но жизнь тяжела.
Для чего б утверждалось добро,
Если б не было зла?..

Диалог на представлении в Ванкувере

1. Лев

Гнет прутья клетки мой свободный рык.
И зря твой хлыст распарывает воздух.
Не для меня кольцо твое горит
И на арену осыпает звезды.
Тебя страшит угрюмый рев толпы.
Ты, укротитель, сам тому виною.
Толпа уже заметила, что ты
На этот раз не властен надо мною.
Когда, тебя жалея и любя,
В огонь я прыгал, опалая гриву,
Считал ты победителем себя,
Светясь улыбкой гордой и счастливой.
Куда ж девался лоск твой? Только стон.
Но чтоб не поменялись мы ролями,
В меня нацелясь с четырех сторон,
Тебя всю жизнь брандспойты охраняли.
Беспомощный, ты наглумился власть
Над подлецами поправной свободой.
Хлыста и клетки незаконна власть.
Не признает насилия природа.
Во мне презрев саванн великих зов,
Ты сам остался наглым и презренным.
Но воздухом тропических лесов
Пахнуло нынче на твою арену.
И когти выпускаются мои.
Глаза светлеют от тоски и гнева.
Ты чуешь холодок в своей крови

И сердцем о спасенье молишь небо.
Горит кольцо. Прожектора горят.
Под ружьями арена ждет оваций.
Будь проклят мир, где испокон царят
Над честной силой подлость и коварство.
Арены бог, рожденный подлецом,
Пусть я тебя вовек не одолею,
Пусть лучше я под пулей околею,
Чем прыгну вновь сквозь глупое кольцо.

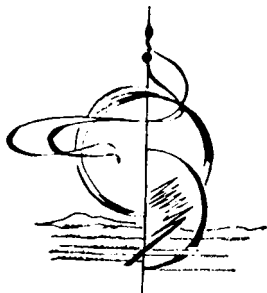
2. Укротитель

Склоняюсь пред тобой, саванны царь.
Мне кажется, я сам вот-вот завою.
Ты видишь — кровь отхлынула с лица.
Но это не от страха пред тобою.
Я знаю силу львиную твою. —
И все же я не оттого бледнею.
Я в сердце страх совсем иной таю.
Арена! Я бессилен перед нею.
Нам в клетке жить и в клетке умереть.
Так не считай, что жребий мой удачный.
Я пред тобой в руке сжимаю плеть,
Но это ничего еще не значит.
Иную плеть я чувствую спиной.
Никто мне эти раны не зализет.
Ты иногда хоть ласке рад скупой.
А я, увы, и этого не вижу.
Я знаю о хозяине своем,
Что он мизинца моего не стоит.
А это значит — мы с тобой вдвоём
Под общей плетью мечемся и стонем.
Хозяина я тоже не люблю.
Но я — не ты. И я рычать не смею.
И если я тебя, дружище, бью,

Я этим бью себя куда больше.
И, кланяясь различным сволочам,
Я в их толпе не различаю лица.
Тебе саванна снится по ночам.
А мне и по ночам лишь клетка снится.

3

Страдальческое вскинулось лицо.
И с гневным рыком в ореоле света
Лев ринулся в проклятое кольцо.
И рухнули с небес аплодисменты.

Аксакалы

Есть прок в мужских серьезных разговорах:
Беседовать о женских, скажем, взорах
Готовы парни до скончанья дня...

Но поучений мы терпеть не в силах:
От стариков докучливых, унылых
Бежим мы, как джейраны от огня!

Ох, аксакалов праведные речи!
Судьба скупа,
Пеняй иль не пеняй:
С красавицами редко дарит встречи,
Гораздо чаще дарит нагоняй!

Себя мы числим средь парней спортивных,
Мы бегуны отменные — ан, глядь,
От поучений, нудных и противных,
Мы иногда не в силах убежать!

Скучна беседа, и мораль сурова,
И бесконечна повесть старика...

Идет! Он не удержится от слова!
Беги скорей — у аксакала снова
Слететь готова правда с языка!

Ты — заяц, он — ловец!
Почти не пряча,
Повсюду расставляет он силки:
Ты путасшь следы, едва не плача,

Но избежать его сетей — удача,
Нас уловлять умеют старики.

К тому ж
Бежать — напрасное старанье.
Как ни крути, а старики правы:
Уловки наши, заячье петлянье —
Лишь признак сущей глупости, увы...

Ведь мудрость не ценить — уже нелепость!
Разумному известно старику:
У всех судьба отнимет стана крепость,
Зато подарит силу языку.

Когда средь иссушающего вздора
Слова седых — живой глоток воды,
Ты видишь: наша главная опора
Вот эти вот согбенные деды.

Они дают нам веру в мудрость.
Скверно,
Что так докучен их старинный слог!
Хоть нелегко вести себя примерно,
Мы были б, верно, счастливы безмерно,
Когда б вернули им внучатый долг!

Пускай нас настигают поученья!
Примеры, что исполнены свеченья,
Пускай для сердца будут горячей!

Ведь для того,
Чтоб мир стал совершенней,
Не избежать нотаций, и внушений,
И стариковских праведных речей!

1980

В минуту песни не порвись, струна

В минуту песни не порвись, струна,
Среди строки, перо, не закружись,
Как голова от майского вина,
Когда всех нас да не покинет жизнь!

Губы коснувшись, не пролейся, тост,
И не разбейся, хрупкое стекло!
Стучись же, сердце, заплутавший гость,
Хоть ты — как песней — кровью истекло...

1980

Шляпа Матмусы

Купил шляпу Матмуса.
Шляпа шляпой, как ведется.
Но в той шляпе Матмуса
Матмусою не зовется.
Стоит десяти овец,
Блещет ленточкой, полями,
В этой шляпе тот, кто жнец,
Станет птицей над полями.
Шляпа — сказка, шляпа — во!
И не шляпа, а корона.
Тут же в ресторан его
Пригласили, как барона.
Он решил ее обмыть,
И по праву новых тостов
Стали очередь пить
Уважаемые гости.
Выпили за этот фетр,
Выпили за этот бантик,
И за продавщицу гетр,
И за свесившийся фантик,
За швейцара и за пса,
Сторожащего калитку,
А потом опять с конца
Вплоть до каждой в шляпе нитки...
А когда подали счет,
Как заткнули горло кляпом,
Сдали шляпу за расчет.
Вот и было дело в шляпе.

1981

Матмуса-силач

Силачом был Матмуса,
Силачом он был от бога.
Был он сильным, но ума
Было в нем не шибко много.
Оттого и с Матмусой
Не особенно считались.
Хоть боялись, но зато
Не испытывали зависть,
И однажды Матмуса
Думал: «Нет сильнее мужа,
Почему ж нет славы мне,
Не уважен почему же?
Я в зубах коня поднял —
Люди усмехнулись только.
Столько сделавший, как я,
Мог прославиться настолько...
Но постой-ка, покажу
Я им то, чего я стою,
И такую карусель
Этим дурням я устрою!»
Тек арык по кишлаку,
И чигирь на нём крутился.
К водяному колесу
Матмуса припустился
И подумал: «Тыщу лет
Колесо вот так кружится.
Но теперь оно должно,
Как все в жизни — измениться.
И по-новому оно

Пусть теперь вращаться станет!»
Взял и повернул чигирь,
Вверх тормашками поставил.
Это творчество народ
Обнаружил на рассвете:
Все кружится колесо,
А воды на поле нету!
И задумался народ,
Как бы выправить ошибку.
Шибко весел Матмуса,
Не скрывающий улыбки.
Кто-то, надо, говорит,
Чигирю расплющить банки.
Кто-то говорит, нужна
Банке крышка из жестянки.
Самый мудрый говорит,
Почесав себе затылок,
Надо речке дать уклон,
И насыпать дамбу с тыла.
Полумерой не решить!
Надо зрить в саму причину!
Вот обратно б колесо
Завертели бы мужчины!
Нет, не хватит сил у них,
Пусть не мучатся напрасно,
Лучше повернем арык,
Вот и будет все прекрасно...
Говорят, что до сих пор
Этот спор бесплодный длится.
А чигирь наоборот
Все кружится и кружится...

Ляган Матмусы

Шел с базара Матмуса
С круглым глиняным ляганом.
Шел и думал про себя,
Семена меж тем ногами:
«Вот приду я в свой кишлак,
Принесу ляган домашним,
В нем конечно же опять
Будет сыр хранить мамаша.
И конечно, как всегда,
Не удержишь голопузых,
И они, дерясь за сыр,
Это блюдо разбузуют.
И тогда придется мне
За фарфорщиком вернуться,
Чтобы снова склеил он
Мне расколотое блюдце».
Но не зря же говорят:
«В корень зри!» А этот корень
В том, что завтра все лобро
Может обернуться горем.
«Что же делать? — думал он. —
Что же делать?» — встрепенулся,
Взял, разбил он свой ляган,
И к фарфорщику вернулся.
А потом, безумно рад
Прорицательскому дару,
Возвратился он в кишлак,
Принеся семье подарок.

Любопытный Матмуса

В праздник, на себя надев
Белоснежную сорочку,
Возвращался Матмуса
С праздника, не трезвый очень.
Шел домой навеселе,
На селе ведь тоже праздник,
И заметил, что на столб
Кто-то, может быть и праздный,
Объявление прикрепил,
Объявление на две строчки.
Любопытство Матмусу
Раззадорило уж очень,
Смотрит этак он и так,
Ничего понять не может,
Но зудящий интерес
Неотступно сердце гложет.
Неотступный интерес
Сердце гложет, как две строчки...
И тогда полез на столб
Бедный в праздничной сорочке.
Влез, увидел и прочел,
И разгневался он страшно,
Две строки гласили так:
«Осторожно. Столб окрашен!»

И застывшего его
Пот прошиб из-под сорочки,
И, придя к себе домой,
Написал он эти строчки:
«Если любопытны вы —
Любопытствуйте. Но, впрочем,
Вряд ли стоит интерес
Вашей праздничной сорочки!»

1981

Матмуса и тандыр

Не сумев слепить тандыр,
Примирившись в мире с этим,
Ехал в город Матмуса
За тандыром на рассвете.
Городской кипит базар,
На базаре — как в тандыре.
Долго выбрать он не мог
Тот тандыр, где ровны дыры.
Но нашел он наконец
Самый круглый, самый звонкий.
Глина так на нем звенит,
Что страдают перепонки.
Только как бы увезти?
На осла его не вскинешь.
Даже вскинешь на осла —
То осла тогда не сдвинешь.
Доброхотливый народ
Тут как тут, и мыслит миром,
Мыслит миром об одном —
Как разделаться с тандыром?
Держит люд большой совет,
Наконец решили миром:
На осленка Матмуса
Будет водружен с тандыром.
И в восторге Матмуса,—
Кто придумал бы такое:
Сам не будет он пешком,
И тандыр его пристроен.

И, воскликнув: «Эге-гей!»,
Он к селу осла направил,
И, в тандыре сидя сам,
Всунутой уздечкой правил.
Не видать, как ни стремишься,
Словно в бочке, путь-дороги,
Не спросить ни у кого,
Кроме неба, кроме бога:
Где же двор его и дом?
И тогда, аллаха славя,
Он взмолился: «Не позорь,
Образумь хотя б осла мне!»
Но, лужайку увидав,
Как же быть ослу-бедняге?
Хоть на севере кишлак,
Но зато трава на юге.
Солнце на закат пошло,
Звезды высыпали в небе,
Но все едет Матмуса
И до дома не доедет.
Говорят, что до сих пор
Матмуса в пути-дороге,
По бескрайней по степи
Едет он, развесив ноги.
Но давайте же, друзья,
Над беднягой не смеяться.
Ведь таким же Матмусой
Сами можем оказаться.

1981

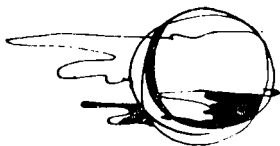
Родимый берег

Мой дом, чей образ в сердце берегу,
Встал над рекою,
Вдаль катящей воды,
На ясном, на родимом берегу,
Где жаркие рождаются восходы.

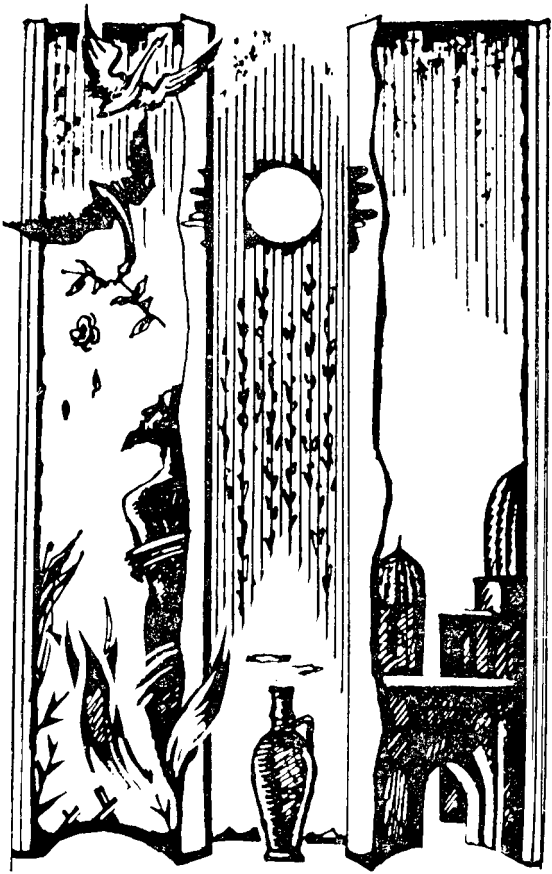
Родимый берег,
Сердцем ты воспет
И в нем запечатлен, как вечный символ
Судьбою данных бедности и бед,
Борьбы и непокорной, гордой силы.

Ты — поле боя,
Где готов поэт
И жизнь отдать за то, во что он верит,
Ты — завтрашнего дня высокий свет,
Моя судьба, мой путь —
Родимый берег!

1984

Анвар

Стон земли

1964

Я слышу свой крик —
Словно эхо осыпалось с гор.
Всю жизнь возвращается
Эхо далекого грома.

Я слышу твой голос, отец!
Твой погашенный взор
я вижу.

— Мой сын,— говоришь ты,—
Ну вот я и дома...
— Мой сын! — это стонет,
Я знаю, земля под тобой,
Сырая от слез
И от огненной вьюги сухая.

В сыновней судьбе
Продолжайся сыновней судьбой,
Ни музыкой смерти,
Ни музыкой битв не стихая,
Отец мой,
Я слышу тебя —
Это стонет земля,
В незажитых ранах
Набитый железом калска.
Я вижу твой взор,
Что, убитые годы сверля,
Нет-нет да проглянет

Сквозь тучи двадцатого века.
«Отец!» — мне бы только
Губам это слово вернуть —
И заговор времени,
Тайну забвенья разрушу.
Та пуля, отец,
Что твою окровавила грудь,
Пробила меня
И задела незрелую душу.
И кровь ли сочится?
Тоска ли? Беда ли?

Испей —

Попробуй на вкус
Эту вечную память стихии.
Отец, говори
Необузданным слогом степей,
Моими губами,
Глазами моими сухими.

Сквозь ветхую занавесь памяти,
Словно в кино,
Где старая лента — мелькая! —

стрекочет и рвется,

Бежит мое детство,
От солнца и пыли — черно,
Вдогонку за счастьем
И звонко с экрана
Смеется.

Не знает оно,

что свинцовые тучи и град

Свинцовый — над домом! —
В Дрогобыче, Львове и Бресте,
Что раненый мир —

истекающий кровью солдат —

В набат ударяет,
Металлом взывая о мести.

Шаги —
И дрожит
От тяжелых ударов сапог
Планета,
 и пыль,
Как туман, устилает дорогу.
Куда этот грохот и стон ударяющих ног?
Мильоны людей, как один,
Уходящие — «в ногу».
— Вон, видишь, отец мой!
Отец!!! —

 Он проходит в строю,
Их песня походная
Будто повзводно связала.
И гибнет мой голос,
И сам я уже отстаю —
Стою, провожая,
И плачу сухими глазами.
И слышу — свистит ли? —
Кричит надо мной паровоз,
На той недоступной,
 последней,
 решительной ноте.

— Отец мой, куда ты? Отец мой! —
 ответ и вопрос:
— Куда вас увозят?!
— Куда вы так быстро идете?..—
Зеленый огонь загорается вдруг надо мной —
И я просыпаюсь,
Глазами вожу от испуга.
И мать надо мной.

 Сапоги за саманной стеной
Грохочут всю ночь
От Ташкента до Южного Буга.

Что смерть настоящая есть.

Война грохотала

Тяжелой броней вдалеке,

И эхо ее

раздавалось

В моем кишлаке...

Спускается солнце.

Над улицей пыль, как туман.

Идем, распевая:

«Пора по домам! По домам!»

Спускается ночь,

Стушевав очертания лиц.

Но сон не садится на черные стрелки ресниц.

Несут меня крылья

К звезде,

Что вошла над горой.

— Отец мой герой?

— Спи, мой маленький, глазки закрой!

— Он самый большой?.. У него пистолет в кобуре?

— Спи, баюшки-баю, косматая ночь на дворе!

— А сколько, скажи, у него орденов на груди?

— Спи, старшенький мой,

Засыпай, малышей не буди!

— А есть у него на боку серебристый клинок?

— Спи, милый сынок,

Засыпай, ненаглядный сынок!

— А красная звездочка?..

— Спи, любознательный мой,

Он все нам расскажет, когда возвратится домой.

Сорок четвертый —

военный, безрадостный год,

Первый сентябрь —

Отчужденье высокого неба;

Кончилось детство —

Вставай, босоногий народ:

В сумке букварь

и ломтик пайкового хлеба.

Первый сентябрь —

Словно маленький переполох

В маленьком сердце,

преддверье любви и страдания:

Первый сентябрь — самый первый! —

Он первый порог,

Главный порожек

На лесенке шаткого знания.

«А» — это Армия,

«Б» — это буква Бойца,

Буква Борьбы,

Буква «О» — голова без пилотки.

Первый сентябрь — для меня — это письма отца.

Первый сентябрь — фронтовые жестокие сводки.

Первый сентябрь — я зачитывал письма до дыр,

Вслух сочетаю

Глухие и острые звуки:

Мир окровавленный,

гневный, стреляющий мир —

Первым вошел

В этот курс первоклассной науки.

Помню

Письмо, да какое!

Поплыли слова,

День — как картина! — в оконной,

Сияющей раме:

«Ранен, да жив,

и совсем не болит голова,

Чешутся швы — иногда —

Под повязкой, на шраме.

Путь мой теперь — на Берлин,

где последний флажок

Будет на карте
Поставлен рукой полководца...»

Взял я тетрадку,
 «контилку от углей зажег.

Все описал,
Что на сердце
И как нам живется.

«Папа,
Я очень соскучился этой зимой,
Очень скучаю обоими, папа, глазами.
Папа, я слышал,
Ты скоро вернешься домой —
Маме об этом хорошие люди сказали.
Папа, с тобой
Мы вчера повидались во сне,
Пить ты спросил —
 это было средь жаркого лета, —

Был ты высокий
На белом высоком коне,
Все говорят нам,
Что верная это примета:
Конь и вода — непременно вернется солдат! —
Верное дело,
Глядите теперь на дорогу.
Видел Рустамы:

 вернулся вчера его брат,
Два костыля у него.
Потерял он в бою свою ногу.
Дедушка Хол воротился.

 И маленький внук,
Тот, что ровесник мне,
Кинулся деду навстречу.
Тут бы обняться — да дед воротился без рук.
Плакал и внук, что обнять его дедушке нечем.

А у Талиба и вовсе лихая беда:

Вместо отца —

похоронка в зеленом конверте.

Папа, родимый!

Пусть пуля тебя никогда

Больше не тронет. Мне страшно подумать о смерти.

Папа!

Пусть слово мое, отвращая беду,

Тело сокровит

и душу твою отогреет.

Скоро вернешься ли ты?

Возвращайся скорее:

Жду тебя сердцем,

глазами обоими жду».

Долгие ночи разлуки.

Разлуки пути далеки.

Звезды у нас высоки.

Степи у нас широки.

Чуть рассветет — выхожу

поглядеть, как глядят старики,

Чуть рассветет — выхожу

и гляжу из-под сонной руки

В дальнюю даль,

Где змеится,

Клубится дороги тесьма:

Нет ли хотя бы письма?

Нет ли хотя бы письма?

В ночь перед сном,

и в ночи,

Потеряв безмятежный покой:

— Нет ли письма? — на крыльцо

Выхожу, изможденный тоской.

Звезды. Под звездами — крыши.

А сердце слепое скулит:

Кто мое горе услышит?

Тревогу мою утолит?

«Только б дожждаться,— молю
от зари до зари,— письмеца!..

— Брови ну как у отца!

— Очи ну как у отца! —

Так и теперь говорят

те, кто знали живого отца,

Так говорят про меня

И вздыхают:

— Лицом-то похож...

В жизни похож ли?

А надо, чтоб — в жизни! — похож...

* * *

По наставленью мудреца,

О чем твердят от вска:

«Будь, мальчик, сыном не отца,

Но сыном Человека».

В невинном чине сорванца,

Шагая в ногу с веком,

Про то узнал я от отца,

А был он — Человеком.

Боль сорок первого в глазах

Стоит еще поныне.

Отец мой шел за шагом шаг,

Чтоб водружен был красный флаг

В поверженном Берлине.

Отчизну отстоял в бою —

От Волги до Дуная.

Мать гладит голову мою,

Отца припоминая.

Поэма,
написанная
в палатке

1966

26 апреля

...По сообщению сейсмической станции «Ташкент», сегодня, 26 апреля, в 5 часов 23 минуты утра по местному времени в Ташкенте произошло землетрясение, мощность которого определяется в 7,5—8 баллов. По предварительным данным...

О жанре сочиненья
Скажу я напрямик:
Дневник землетрясения —
Отрывочный дневник.

Апрель.
Двадцать шестое.
И синь. И облака.
Мы раннею порою
Проснулись от толчка:
Кварталы иступленно
Спешили
С мест сойти,
Подобно эшелонам,
Столкнувшись в пути.
Мерцала странным светом
Любая сторона.
Я слышал,
Близко где-то

Обрушилась стена.
Куда от шума деться?
Смешались в этот миг
Визг псов,
И плач младенцев,
И громкий женский крик...
Как фон
Картины яркой,
Готовой не вполне,
Пылища над Кашгаркой
Нависла в вышине.
И, вырвавшись мгновенно
В избытке
Свежих сил,
Тревожный рев сирены
Все звуки заглушил.
А город
В час сторожкий,
Не спавшие в ночи,
Прошли «неотложки»,
Как быстрые лучи.

...Какая-то женщина, подхватив колыбель со спящим в ней ребенком, бросилась к двери, но, ударившись о зеркало, упала, потеряв сознание.

...Какой-то юноша выпрыгнул из окна второго этажа студенческого общежития. И лишь благодаря тому, что внизу были сложены старые матрасы, он отделался легкими ушибами.

На город наш бессонный,
На те его черты
В тиши рассветной
Солнце
Смотрело с высоты.

Смотрело
С чувством нежным.

Но мы не для красоты
Смахнули пыль с одежды,
Проверили часы.
И снова в учрежденья,
На фабрики пошли.
Да, люди — воплощенье
Живучести земли!

О жанре сочиненья
Сказал я напрямик:
Дневник землетрясения —
Отрывочный дневник.
Он не «призыв крылатый».
Сердцам моей страны
Дежурные плакаты
И речи не нужны.
Нам
Грянувшей напасти
Знакомы суть и вид.
И праздных слов участие
Ее не оттеснит.
Итог землетрясения
Для кисти и резца:
Разрушились стросня,—
Не дрогнули сердца!
Не чувствуя испуга,
Живут и млад и стар.
И друг, как прежде,
К другу
Приходит на хашар¹.
Недаром
Утром рано
Сомнениям в ответ

¹ Х а ш а р — добровольная помощь.

Горячкой новых планов
Охвачен горсовет.
А были же сомненья...

Ведь в утренней тиши
Наш кабель сообщенье
Спеша принес в Карши:
«Земля
Толчкам в угодую
Разверзлась на момент...
Сейчас затопят воды
Разрушенный Ташкент...»
Товарищ,
Слабый духом,
Для бодрости души
Панические слухи
Молнировал в Карши.

Бессонница, тревоги
Сегодня позади.
На жизненной дороге
Любых ухабов жди.
Пусть дом твой
И разрушен —
Но ты же человек!..
На стойкость наши души
Испытывает век.
Без слов.
В немом молчанье,
В суровый этот миг
Мы зримо различаем
И щедрых, и скупых.
Беда срывает маски:
От нас,
Как на духу
Отсеивает тряска

И гниль, и шелуху.
Нам многое виднее.
Планета что слепец,
Споткнулась вдруг,
А с нею —
Иные из сердец.
И с лучшим человеком
Не водится плохой.
Так отруби от веку
Не спутаешь с мукой.
...Один мой друг
Подолгу
В начале всех начал
Вещал с трибун о долге
И в грудь себя стучал.
Он смелым был
На редкость,
Приспособленцев крыл.
Сегодня с первым рейсом
Летит оратор в Крым.
...Вот лектор.
Муж науки.
Известный атеист.
Таким и книги в руки,
Но лектор не речист.
Он плов
В отрезе длинном,
Стараясь в срок поспеть,
Несет тайком от сына
В соседнюю мечеть...

Из заявления в райсовет: «Побывавшая у меня вчера комиссия по проверке последствий землетрясения сочла мой дом к жилью пригодным и от стихии не пострадавшим. А ведь в столовой у нас осыпалась с потолка штукатурка — кто же оплатит необходимый ремонт?..»

Открыто, ,
Не украдкой,
Народ поднялся мой.
Никто из нас в палатке
Не будет стыть зимой.
И в дружеской квартире,
Коль друг душой широк,
Огромным станет миром
Укромный уголок.

Нас пятеро.
С тобою
В наш дом пришли друзья,
И стала больше вдвое
Радужная семья.
Не слышно слов участия,
Ни вздохов, ни обид.
Ведь общее несчастье
Чужих людей роднит.

Вот надпись:
«Дом для слома!»
Среди кирпичных груд
Пусть люди стены дома
Сторонкой обойдут.
Пусть криком или стоном
Не огорчают нас.
Мы в твердости бетона
Нуждаемся сейчас.
Базар.
Большие уши.
У всех свои дела.
Забавно бы послушать,
Что говорит мулла.
Протискиваюсь боком
На личный риск и страх.

Мулла на месте бойком
Гнусавит:
— О аллах!
Безбожный мир едва ли
Кого не прогневит...
Мы совесть потеряли,
Мы потеряли стыд.
Аллах!
Скрывая думы,
Смотрел ты до поры
На юношей в костюмах,
На женщин без чадры...
Да, многое забыто.
Недаром без помех
Соседствуют открыто
Трагедия и смех.

Разговор в трамвае:

- Ну как вчерашний матч?
- Да ничего! Только вот в середине первого тайма так потрянуло, что люди на стадионе, как чай в пиале, заколыхались.
- А футболистам, наверно, за эту игру заплатят вдвое больше?
- Они и раньше немало получали. Говорят, Красницкий вчера получил трамвай и сразу же за него расплатился.
- Вот чудак! Не трамвай получил, а травму, расплатившись за свою неосторожность на футбольном поле!..

С особенной охотой,
Забыв вчерашний страх,
И чай и анекдоты
Смакуют в чайханах.
Насмешники лихие,
Довольные судьбой,

По поводу стихии
Острых наперебой.
Старухи понемножку
За дело принялись.
Они с утра
Лепешки
Пекут для рожениц.
И, значит, напряженье
Мы одолеть смогли.
...Да, люди — воплощенье
Живучести земли.

«Т-34»

...В помощь пострадавшим от землетрясения ташкентцам брошены воинские части.

Мне были «тигры» не страшны
В ревущем грозно мире.
Я ветеран бывлой войны,
Я — «Т-34».
И, хоть на пенсии сейчас,
Нашлась еще работа.
По праву
Старики у нас
Не лишены почета.
Пусть пушка
Свинчена с меня,—
Не став дряхлей и проще,
В почетной роли кетменя
Я расчищаю площадь.
Я дело делаю свое
Привычно и бесстрашно.
Взгляни,
Как рушится старье
При встрече с грозной башней!

Я не стыжусь любых работ:
Раз нужно — значит, нужно!
Чем ржавеет тихо,
Без забот,
Уж лучше быть на службе.
Крушу я старые дома,
Дрожа от напряженья.
Ведь здесь История сама
Ведет сейчас сраженья.
А ну-ка, парень, подойди
И стань спокойно рядом.
Ты видишь,
На моей груди
Горят следы снарядов.
Ты слышишь, оживает вновь
Минувшее,
И даже
Видна на гусеницах кровь
Погибших экипажей.

Исполнен мужества и сил,
Под тяжкий рев металла
Я много стран исколесил,
Дорог прошел немало.
Броней надежною храним,
В суровую годину
Я пересек Поволжье, Крым,
Кавказ и Украину.
Немало видел слез, обид
Вдали и по соседству.
Лишь вспомню их —
И защежит
Мое стальное сердце.
Кто уберется б от меня?..
Но ведь от года к году
В кровавой мгле

Моя броня
Была щитом народу.
Мой юный друг!
В далекий срок
Спеша от боя к бою,
Не будь я, может быть, жесток —
Что случилось бы с тобою?
Цвела бы мирная заря
В краю, свободой гордом?..
Меня История не зря
Благодарит сегодня.
Но злая память
Вновь и вновь
Судьбу мою качает.
В сраженье пролитая кровь
Мне видится ночами.

Я напряжен
В объятьях сна
От выстрелов и гуда.
Проснись — какая тишина
Царит сейчас повсюду!
Стенанья отлетают прочь,
Скрываются пожары...
Но снова наступает ночь,
Неся с собой кошмары...

Забыл страдания народ,
Враги в земле истлели.
Но память прошлого
Живет
В моем железном теле.
Стирают многое года,
Приносит смерть забвенью.
И лишь со мной одним
Всегда
Минувшего виденья.

Всегда со мной
Все тот же сон,
Все тех же дней приметы.
Я с лет военных обречен
Пожизненно на это.
Все тот же грохот,
Тот же чад,
Те рвы и те канавки...
Я был бы счастлив,
Был бы рад
Пойти на переплавку.
Мне были «тигры» не страшны
В ревущем грозном мире.
Я ветеран былой войны,
Я — «Т-34».
Мой юный друг!
В своей судьбе
Прости мою тревогу
За то, что выпало тебе
Задуматься о многом...

Отправление детей

...Вчера в Подмоскowie была отправлена большая группа детей на три месяца — на период летних каникул.

Четверть века назад от Москвы до Ташкента
В знойный месяц, почти что такой, как сейчас,
Эшелоны с детьми, как огромные ленты,
Потянулись к востоку
И скрылись из глаз.
А сегодня, как будто бы в летний тот месяц,
Поезд двинулся, лязгом пронзив синеву.
И маршрут его нам уже тем интересен,
Что пролег он на запад —
Из Ташкента в Москву.

Едут дети, держа на коленях букеты,
И летят лепестки по вагонам, красны,
Четверть века назад —
Мне припомнилось это —
К нам съезжались бездомные дети войны.

А сегодня струится дорожная лента
В золотые ворота больших городов.
«Тыл» сместился на запад.
Едут дети Ташкента
Мимо строгих лесов и зеленых садов.

Над Ташкентом сегодня стеною отвесной
Поднимается пыль, заслонив синеву.
А ребята смеются:
Им так интересно
На каникулы летние ехать в Москву!

И пока их досуг меж игрой и купаньем
Поделен будет щедро в тех далях лесных,—
Встанут снова кварталы,
Поднимутся зданья,
Будут вновь приготовлены школы для них.

Я хочу, наклоняясь к головкам вихрастым,
Проводя по упрямым затылкам рукой,
Так сказать:
— Мой братишка, ты в галстукe красном,
Потому и наказ тебе будет такой:

Пред тобою простор распахнет Подмосковье.
Там грибные дожди зазвенят по лесам,
И Россия тебя,
Окружая любовью,
В турпоход уведет по заветным местам.

По местам,
Где бои отгремели когда-то,
По местам,
Где навстречу густому огню,
Как стена, необъятной Отчизны солдаты
Поднимались,
Собой оттесняя броню.

До сих пор там в оврагах валяются каски...
Ну, а если ты ухом прижмешься к тропе —
Эхо взрыва и злое шипенье фугаски
Через толщу земную
Прорвутся к тебе.

И тогда,
Если встретишь в лесах Подмосковья
Ту могилу, где спит Неизвестный солдат,
Ты охапку цветов положи к изголовью:
Может, в ней —
Мой,
С войны не вернувшийся, брат.

И потом помолчи над могилой с друзьями.
Не должны повториться те грозные дни.
Мы, живые, бороться обязаны сами,
Чтобы только в рассказах
Остались они.

Дочь узбека — Любовь Тимченко

...Вчера ташкентцы встретили строителей из Харь-
кова и Луганска.

Эй, джигит, у тебя
Слишком пристальный взгляд,
Ты смущать им девчонок привык!

Но поверь и пойми:
Четверть века назад
Стал родным
Мне узбекский язык.

Пахрихон называли когда-то меня,
Может,
Улицей этой не раз
Пробегала я,
Смехом задорным звеня,
Там, где листьев зеленая вязь.

Этой были длиннее,
Наверное, нет:
Эй, джигит, наберись-ка терпенья!..
Жизнь моя —
Двадцать пять удивительных лет —
Необычна, как землетрясенье.

Детство плыло Ташкентом,
Ловя на лету
Золотого дождя колесо.
Как забыть мне отца — Абдуразак-ату
Или маму — Шарифанисо?

Вскоре умер отец...
Но, от бед заслоня,
И в ночи, и средь белого дня
Мать ласкала меня, обнимала меня,
«Свет очей», — называла меня.

Дочь узбека...
Всегда — что ни час, что ни миг —
Мне хватало любви и тепла.
И соседка, касаясь косичек моих,
Златокосой девчонку звала.

Первый класс позади.
Перешла во второй.
Мир был счастьем и солнцем богат.
Но однажды к нам в дом постучался
чужой,

В пропыленной шинели солдат.
И тогда-то впервые увидела я,
Как заплакал мужчина.
Ко мне
Потянулся он:
— Любочка, дочка моя!
Неужели все это во сне?!
Где же мама?..
Где брат твой?..—
И слезы солдат
Стер пилоткой с обветренных щек.
Что за мама и брат?
И с испугом назад
Тут же я отошла в уголок.
...Ждал солдат за порогом.
Ах, где мне и как
Старой матери взгляд позабыть?..
Сколько боли дрожало во влажных зрачках,
Губы сжались, как белая нить.
Но, рукою держась за открытую дверь,
Повторяла она мне:
— Иди,
Я приеду, приеду...
Ты матери верь,
Наша встреча еще впереди...
Это папа твой...

Но, ощущая вину,
Я понять не могла перемен.
А солдат все рассказывал мне про войну.
Вспоминал про безжалостный плен.

Про победу,
Про то, как был освобожден,
Как искал нас, теряя следы.
А потом фотокарточку вытащил он:
— Посмотри! Узнаешь? Это ты!

Я взглянула: малышка,
Из рыжих колец
Выбивается тонкая прядь...
И поверила:
Значит, солдат — мой отец.
Только как его папой назвать?

Мы присхали в Харьков.
Подобным дворцу
Показался мне дом городской.
Я привыкла, душой привязалась к отцу,
Хоть Ташкент вспоминала с тоской.

И в поношенной кофте, в косынке простой
Мать ко мне приходила во сне.
Но сравнится ль печаль моя
С мукою той,
Что отец пережил на войне?

В сентябре он меня проводил в первый класс.
Хоть отец был на возгласы скуп,
Он дивился тому,
Как легко полилась
Украинская речь с моих губ.

Но судьба уж держала за пазухой ком,
И однажды явилась беда...
Помню, в полночь пришли незнакомые в дом,
Чтоб отца увести навсегда.

Дождь стучал к нам в стекло,
Словно черный гонец,
Разбивающий вдребезги тьму.
Я тогда закричала впервые:
— Отец! —
И в испуге прижалась к нему.

...С ремеслом
Познакомил девчонку детдом.
Столько зим пронеслось, столько лет.
Наше имя очищено было потом,
Мне вручили партийный билет.

Стало небо безоблачным над головой,
Но о том загрустишь иногда,
Что отец никогда не вернется домой,
Что потеряна мать навсегда.

И когда мне объявлено было Москвой,
Что с Ташкентом,—
Я в тот же момент,
Словно дочь, что спешит возвратиться домой,
Прилетела в любимый Ташкент.

Пусть коснусь я
Фундаментов новых и плит,
Пусть мой труд будет в общем труде.
Верность дочери пусть над Ташкентом горит,
Как звезда,
Что не гаснет в беде.

Я до света встаю.
Труд мой легок и спор.
По плечу мне любые дела.
А потом я ищу старый дом...
До сих пор
Отыскать я его не смогла.

Окликаю узбечек седых по пути,
Называю:
— Шарифанисо! —
Но торопятся женщины мимо пройти,
Прикрывая ладонью лицо.

Слышу я, как они за мою спиной
Говорят:
— О бедняжка! Видать,
В этом землетрясенье
Пришлось не одной
Потерять и рассудок, и мать!

Может, встречу я мать
У того вон угла...
Если ж больше в живых ее нет,
Над могилой склоплюсь
И скажу:
— Я пришла
Через столько промчавшихся лет...
Так смири же, джигит,
Слишком пристальный взгляд.
Все ты слушал с завидным терпеньем.
Жизнь моя коротка —
Четверть века подряд
Не смолкает в ней землетрясенье.

Молодая мать

...По сообщению сейсмической станции «Ташкент»,
вчера в Ташкенте произошло землетрясение силою...

О, это горе — как оно огромно!..
Земля лежала, травами горда.
Светило солнце.

Но, слезе подобно,
Скатилась вниз падучая звезда.

Остался суп остывший в тарелке,
Качнул порыв пустую колыбель.
И женщина,
Проворная, как белка,
Схватив ребенка, выбежала в дверь.

Она стояла, озираясь слепо.
Все тишина.
Луч солнца на стекле.
И вдруг, в испуге посмотрев на небо,
Она забилась в плаче на земле.

Дрожал на ветке алычовый листик,
Арык журчал лениво невдали,
А женщина,
Как сумасшедший мистик,
Гортанно хохотала у земли.

О, это горе — как оно огромно!..
Земля лежала, травами горда.
Светило солнце.
Но, слезе подобно,
Скатилась вниз падучая звезда.

В подсчете жертв о ней не говорится,
Но вот землетрясения итог:
Едва взлестев,
Сломала крылья птица,
Увял нераспустившийся цветок.

Ее любимый,
Пальцы сжав до боли
И резко побледнев не без причин,
Стоял и молча плакал...

Ну легко ли
Нам видеть слезы на глазах мужчин?

О, мать!
Уж лучше в миг землетряссня
Погибнуть ей под грудами камней...
Ребенок,
Словно ищущий спасенья,
Две маленьких ручонки тянет к ней.

И даже пыль на улице, которой
Ты проходила напрямик не раз,
Вслед уезжавшей
Белоснежной «скорой»,
Как крик надрывный, в воздух поднялась.

И все.
И только горе не остыло
И тихо тлеет в сердце, как зола...
Ты жизнь любила,
Ох, как жизнь любила!
Красавицей заслуженно слыла.

Нет, я не верю!
Эта мысль осколком
Не может не тревожить головы.
Мос возьмите сердце, доктор, только
Ее верните к прежней жизни вы.

Ведь без нее на свете станет голо.
Цветы увянут.
Станет грустной тишь.
Ведь без нее осиротеет город,
Как будто бы беспомощный малыш.

Заявление

Председателю горисполкома от всех влюбленных
...26 апреля в Ташкенте во Дворце бракосочетаний
было зарегистрировано 25 браков...

Товарищ председатель,
Простите, что сейчас
От множества занятий
Мы отрываем Вас.

Проблем на свете много,
Решить их —
Не пустяк.
И не смотрите строго:
Ведь мы у Вас в гостях.

Влюбленные,
Те строки
Нам диктовал Ташкент.
Упущен в планах стройки
Существенный момент.

«Забывчивыми» кем-то
Зовемся мы подчас.
Но новый вид Ташкента —
Он так волнует нас!

Товарищ председатель,
Влюбленные не спят.
Отбросьте все занятия,
Послушайте ребят.

Нас меньше миллиона —
Сотысячный редут.
Пусть город для влюбленных
В Ташкенте возведут.

О нем известье скоро
Домчится до Москвы.
И назовется город
«Городом любви».

Пусть шелк над ним колышут,
Рождаясь, ветерки.
И пусть поэт напишет
На лозунге стихи:

«Кто б ни был ты,
Прохожий,
Но если ты влюблен,
Ты в город этот можешь
Быть запросто вселен».

Но тот, кому в обузу
Влюбленность,
Кто, как трус,
Любовь считает грузом, —
Тот к нам не входит пусть.

Пусть у любого сердца
Любовь приют найдет.
Пусть город форму сердца
В строениях обретет.

Проспект центральный — «Верность».
С него начнем маршрут.
Здесь так благоговейно
Влюбленные пройдут.

Вот «Скверик Поцелуев»,
И те, кто не был в нем,
Еще вздохнут, горя
О скверике о том.

«Аллеями Свиданий»
Вы сможете пройти.
А вот «Аллей Страданий»
У нас вам не найти.

И от «Аллей Свиданий»
Идет, всегда нова,
Улица с названием
«Любовные Слова».

Краснея и бледнея,
На первом же углу
Влюбленные робеют
Под вывеской «Люблю».

Одной из улиц наших
Пусть будет «Чистота».
О Навои расскажет
Из мрамора плита.

И днем, и ночью лунной
Спеша в наш город-сад,
Пусть силуэт Меджнуна
Не заслонит Фархад.

Ромео и Тахиру,
Джульетте и Зухре
Пусть «Верность» будет лирой,
Звнящей на заре.

На улице, что справа, —
«Влюбленный и вино» —
Омар Хайям лукаво
У чаши ищет дно.

Меж улицю «Ревность»
И тупиком «Навет»

Отелло в черном
Гневно
Клянет весь белый свет.

На площади под знаком
«Коварство и обман»
Гуляет чинно Яго,
Ликует Ясуман.

Над улицей «Сомненья»
Я укрепил бы щит:
Влюбленным, к сожаленью,
Сюда проход закрыт.

Пусть сторож для науки
Им факт напомним тот,
Что к пропасти «Разлука»
Сомнение ведет.

Пусть все цветы на свете
Сойдутся в город к нам.
Пусть соловьиный ветер
Гуляет по садам.

Пусть важные павлины
Шагают там и тут.
Пусть загсов половину
Сюда переведут.

Женатых
В воскресенье
И в будни город ждет.
Скамейка «Примиренье»
Незанятая — вот.

Пусть не спеша присядут,
Припомнят все подряд
И благодарным взглядом
Отыщут нежный взгляд.

Товарищ председатель,
Простите,
Что сейчас
От множества занятий
Мы отрываем Вас.

Мы не квартиры просим,
Наш дом — весь шар земной:
Над нами неба просишь
И солнца луч сквозной.

Не крышу —
Нам бы только
Укрытие от глаз.
Кругом светло настолько,
Что все находят нас.
Но не шутите с нами —
До шуток ли сейчас?
Ташкента каждый камень
Кто знает лучше нас?
Скажите: «Да!» —
И сразу
Засвищут соловьи,
Ташкент наш будет назван
«Городом любви».

И станет он моложе,
Светлее с каждым днем.
А если нет —
Ну что же?
Мы с жалобой пойдём.

Но не в Совет Верховный,
И не в Совмин, и не
В другой какой-то орган,
А к Вашей же жене.

Пусть память вспыхнет песней,
Как зарево средь дня:
«Построй на этом месте
Ты город для меня».

И с этого момента
Пусть будет дан указ!
Влюбленные Ташкента
Ответа
Ждут от Вас.

Город Дилярам

Ташкент.

Председателю Узбекистана лично.

В этом году я окончила четыре класса. Мне одиннадцать лет. Вчера в нашей махалле собирали деньги в помощь пострадавшему Ташкенту, и я тоже послала пять рублей, которые собирала себе на атласное платье. Хочу, чтобы на них построили детский сад.

Дилярам,
город Ош

Дилярам,
Дилярам,
Сестричка,
Из Ташкента взглядевшись в синь,
Вижу смуглое твое личико,
Вижу черные две косы.

И когда прохожу по городу,
На душе у меня светлей.
Благодарно склоняю голову
Перед помощью я твоей.

Все сокровища, все жар-птицы,
Все богатства родной земли —
С этим вкладом твоим сравниться
Никогда б они не смогли.

Ты не бойся, тех денег хватит
Не на сто — на тыщу садов.
От любви твоей раньше на день
Город встанет из-под лесов.

Нам работать, забыв усталость,
Для того, чтобы в жизни твоей
Никакого горя не случилось:
Только радость пусть бьется в ней.

Встанет город светло и звонко,
Удивляя собой народ.
Невесомый, как вздох ребенка,
Необъятный, как небосвод.

Наподобие океана,
Ослепительно голубой.
Председатель Узбекистана
По аллеям пройдет с тобой.

Доброта — это вклад бесценный,
Что отпущен людским сердцам.
Установим мы в самом центре
Твой портрет, моя Дилярам.

И когда, зажмурясь от света,
Спросят нас: «Что за город там?» —
Мы ответим, что город этот
Называется Дилирам.

Окончание

...По сообщению сейсмической станции «Ташкент», за период с 26 апреля город перенес свыше двухсот толчков. Сила землетрясения идет на убыль...

О жанре сочиненья
Сказал я напрямик:
Дневник землетрясения —
Отрывочный дневник.
И в нем не будет места
Красивостям иным,
Сравненьям неуместным
И рифмам непростым.

Да, торопили сроки
Упрямо мысль мою.
Рождались эти строки
В палаточном краю.
Обветренны и наги,
Как город в эти дни,
Простым листам бумаги
Доверились они.
Поэзия? Едва ли...
Скорей гражданский долг.
События мелькали —
Стремительный поток.

Еще писать поэтам
Листы своих поэм,

Рассказывать об этом,
Касаться всяких тем.
Себя в бегах не числя,
К земле прибьется пыль.
И ход спокойных мыслей
Оценит эту быль.
Сужденья станут строже,
Вздохнет спокойней грудь.
Но в сердце, в сердце все же
Тех дней не зачеркнуть.

Бессонницы, тревоги
Сегодня позади.
На жизненной дороге,
Любых ухабов жди.
Но дел у нас по горло,
Не счесть хашаров нам.
Но мы отстроим город,
Откроем путь стихам!

Под пенье птиц поэты
Прочтут творенья вслух.
И жаркую беседу
Продолжит с другом друг.
Звонящей жизни трубы,
Ваш гимн воспет трудом!
И с Дилярам, и с Любой
Мы городом пройдем.

Ну что еще?
Конечно,
Заглянем в исполком:
Мэр города с усмешкой
Тут встретит нас стихом.
Проговорит: «Влюбленным
Принадлежат стихи».

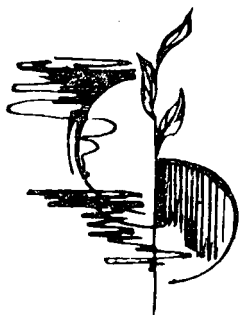
Мы взглянем удивленно:
Мол, что же за стихи?!
С улыбкой на прощанье
Мэр скажет:
«Вот, друзья,
Ваш город. Обещанье
Свое исполнил я.
Кто б ни был ты, прохожий,
Но если ты влюблен,
Ты в город этот можешь
Быть запросто вселен».

Вдоль улицы — гранаты
Все в розовом цвету.
И памятник Фархаду,
Сияет на виду.
И рядом на аллее
Под нежный говор струн
Поднялся, не тускнея,
Над городом Меджнун.
А утром над Ташкентом
Опять встает заря.
Да, город мой легендой
Становится не зря!
И даже те из здешних,
Кто в страхе двинул в Крым,
Съезжаются поспешно
К местам своим родным.
И на собраниях где-то,
Глядишь, еще начнут
Себя бить в грудь: мол, это
И мы трудились тут.

Но утреннюю ранью,
Минувшему под стать,
Мы убежим с собрания,

Чтобы стихи читать.
В «Саду Стихов», глаза,
Блуждать нам дотемна,
Пока к «Тропе газели»
Не спустится луна.
Стихам под лунным светом
Не смолкнуть до утра.
Читатель мой, на этом
Проститься нам пора.

Ташкент
Май—июнь 1966 г.

Преданность

1975

(Два монолога)

Памяти безвременно ушедшего из жизни выдающегося узбекского поэта Хамида Алимджана с посвящением его жене, народной поэтессе Узбекистана Зульфийи.

I

З у л ь ф и я :

В дыму минувших лет не разглядишь былого.
Все, все перемололось в пыль. Но ты
Как видишь, так и светишься!.. И снова
Иду к тебе, несу тебе цветы.

Как странно — ни слезы не обронить,
Как будто сердце сжалось не от боли.
Былого счастья тоненькая нить
Былого горя перевила поле.

Переплела все эти тридцать лет,
И горестных и тяжких, но не праздных.
Те тридцать, что тебя на свете нет.
Но сорок — ты со мной. И длится праздник

Моей любви, где не подвластен ты
Ни смерти, ни забвенью. С нашей песней
Я шла и шла до дней твоей мечты
По саду верности, что мы взрастили вместе,

В долину радости. Ты нам ее предрек.
Там две руки, как две косы-плясуньи,
Струятся. И сбывается зарок —
Теперь твоя долина в полнолуние.

Твоя дочурка — зрелый человек.
Она склонилась над строкой твоею.
И наши внуки, весело взрослея,
Спешат перешагнуть двадцатый век.

А с улицы, с дворов и площадей
Их голоса живое эхо множит —
Растут Победы дети. Тех детей
Ты ждал, ты пел. Но ты до них не дожил.

А если б дожил, то таким стихом
Цвела бы наша каждая минута,
Как россыпь звезд победного салюта
На твой, еще сырой могильный холм.

Все дальше, дальше молодость моя.
Ей одиноко без тебя под старость.
Все тридцать весен вопрошаю я:
Где тот, с кем сорок лет не расставалась?

Ты здесь. Не разлучались ни на миг.
Года не отвели нас друг от друга.
Седые пряди в волосах моих.
Уже не молода твоя подруга.

Но все люблю тебе черешни рвать,
Все слышу нашу тихую беседу.
Лежит твоя раскрытая тетрадь,
И кажется — вернешься ты к обеду.

И кажется — усталым воротясь,
В той комнате на краешке дивана
Ты прикорнул. И утром, торопясь
На службу, не бужу тебя я рано.

Совстуются сын и дочь с тобой.
С тобою мы — в печали и в надежде.
И каждый свой поступок, шаг любой
Моя душа с твоей обсудит прежде.

Твои стихи твержу и день и ночь,
И до рассвета сборники листаю,
И первому тебе — свои читаю,
И ты писать умеешь мне помочь.

Твое — еще горячее — перо
В моей руке, и голос твой глубокий
В моей строке. Не разберешь порой —
Где ты, где я и чьи пишу я строки.

Окутываюсь строфами, с тобой
Одним дыханьем и одною речью.
И наша несудьба большой судьбой
И вечная разлука вечной встречей

Становятся. Прошлестят года,
Но не переиначат нас с тобою.
Как я могу состариться, когда
Меня ты знаешь только молодою?

И все-таки, так холодно одной.
Согрей меня, вернись хоть на мгновенье.
Простерла память крылья надо мной,
Благословляя верность и терпенье.

И, тлен презрев, рассеивая тень,
Твои с ночного неба светят очи.
И ты, как солнце, миру каждый день
Выносишь белый свет из темной ночи.

*Скажите людям:
Я не умер.*

Хамид Алимджан

Хамид Алимджан:

— Скажите людям:
Я не умер.
Весь не умер.
Но отныне
В этом мире —
Жизнь моя:
В нетленном слове,
В беспредельной думе —
Наиважнейшей части бытия.
Что ж делать,
 если я
Был разлучен с тобою
Судьбою,
Но пока
Я нужен, как всегда,—
Не умер я! — скажи, —
Над строчкою любовью,
Над нами — над тобой! —
Не властвует беда.
Я тот же, что тогда,
Лишь отрешен от плоти,
Вкушаю этот мир
Незримою душой.
Как спутник над землей
В космическом полете:
Над маленькой Землей,
Над Родиной большой.

Где правда за душой —
Глаза открыты шире.
Ты строила наш храм,
Как чудо на крови:
И мертвый человек
В сем неуютном мире
Живет

благодаря
Живительной любви.
Ты песней назови
Года моей работы —
Веселые глаза
Наивного тепла.
Я падал глубоко.
И я запомнил взлеты,
То тяжело, то легко
Река моя текла.
И ты меня влекла
Лучистой мечтою,
Жемчужиной была
Ты радости любой —
С твоею красотой,
С твоею добротою.
А помнишь ли, мой свет,
Как свиделись с тобой?
Был полог голубой
Горяч и лучезарен,
Влюбленные глаза —
Темны и горячи.
Весь мир, что за спиной,—
Просторы,
Травы,
Твари,—
Светился над тобой,
Как счастья лучи.
Мы, словно две свечи,

Таинственно и свято
Горели над стихом —
Вне славы и хулы —
Сквозь ночи, что темны,
Как глаз твоих агаты,
Сквозь зори, как лицо
Любимое, светлы.
Но прерван бег стрелы,
Что только взлет

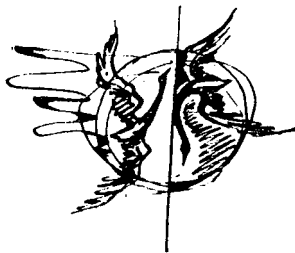
пропела,
И небо) надо мной
И солнце в нем —
черны.

Я так к тебе спешил,
Что сердце
Не поспело,—
И болью, как свинцом,
Наполнилось оно.
Ах, так ли все давно?
Отчаянной волною
Распущенных волос
Потоки на плечах.
И скорбное...

В слезах...
Твое лицо живое
Отражено в моих
Остуженных очах.
Мой друг,
в моих речах
Все прежнее, земное,
Душа моя
ресниц
Касается твоих.
Твои глаза — мои.
И сердце мне родное.
А эти две души,

Как прежде, на двоих.
Тобой рожденный стих —
Бессмертие поэту,
Твои пути — мои,
Мои — твои следы! —
Творения мои,
Что разошлись по свету,
Погибли б без тебя,
Как поле без воды.
Твои, мой свет, труды
Два вдохновенья движет,
Созвучье наших душ
В делах твоей руки,
И верно, оттого
Страницы нежных книжек
Отмечены огнем
Пылающей строки.
В делах твоей руки
Двойная мощь поэта.
И слово — как набат.
И слово — как струна.
В безмерности двойной
Да воплотится эта
Трагедия твоя,
Узбекская жена!
Мой друг,
Тебе дана
Такая сила воли,
Что славным матерям
В преданиях дана:
Ты — вынесшая боль, —
Заступница от боли,
Когда кругом чума,
Когда кругом война.
Пусть счастья семена
Твои устелят тропы,

В которые войдешь —
Да светятся дома!
Родимая земля
Твои целует стопы,
И звездная к плечам
Спадает бахрома.
О Муза!
Пой сама
Стосоловьиным свистом —
И горе обойдет,
И спрячется беда.
Будь радостна,
 чтоб был
От радости неистов —
И я с тобой тогда!
И я с тобой тогда!
Высоко, как звезда,
И, как звезда, — далеко! —
Поэзию неси
На крыльях бытия:
Будь мною — и со мной! —
Ни мига — одиноко:
И буду вечно я!
И буду вечно я!

Восстание бессмертных

1979

*Поэма о великом сыне
бенгальского народа Назруле Исламе*

В ночи поет и плачет ветер.
И снова думается мне —
Как мало радости на свете,
Как много горя на земле!

Однако в доле безотрадной,
Забыв любовь, покинув дом,
Кто с другом делится утратой,
Кто одиночеством — с вином.

Устав от нищеты и боли
И веруя в желанный рай,
Кто небо о пощаде молит,
Кто покидает отчий край.

И все же, если нет спасенья,
Последний выход есть всегда —
Оставить горестную землю
И в Лету кануть без следа.

Но боль иная есть на свете.
Ее не загасить вином,
Не усыпить мгновенной смертью,
Не избежать, покинув дом.

Никто с души ее не снимет.
И навсегда судьба твоя —
Страдания эти. Рядом с ними
Бессильны пуля и петля.

Пускай душа покинет тело
И ты земных лишишься пут,
Но та же боль, страдания те же
С душою в небеса уйдут.

Недуг я проклиная этот.
Непобедим, бессмертен он.
Болезнь души — талант поэта,
Что кровью сердца окроплен.

И эту боль с поэтом вместе
Не вынесет никто другой.
В ней сердца стонущая песня
И вечно адовый огонь.

Отступление к вопросу о вечности

Сказитель печальный, легенда твоя
Звучала мне в детстве, звучит и поныне:
Запомни —
Когда-то в далеких краях
Погиб караван в безграничной пустыне.

Барханы над ним, как надгробья взошли.
И только один в той пустыне безлюдной
Вслед черному смерчу, что таял вдали,
Глядел, уцелевший погонщик верблюдов.

Аллаха всеильного избранный сын,
Простившись навеки с родным караваном,
В песке раскопал опустевший кувшин
И двинулся с ним по сыпучим барханам.

Он шел, не считая ни дней, ни ночей.
Страдая от жажды, себя он не помнил.
Как вдруг голубой родниковый ручей
Ему зазвенел среди знойного полдня.

Тому, кто прошел сквозь пустыню и зной,
Известно — безводье страшнее, чем голод.
И он на колени упал пред водой,
Но тут родниковый послышался голос:

Не спеши водой моей напиться.
Не простая здесь течет вода.
Юношей восторженные лица
Старят быстротечные года.

Но в моей воде таится чудо.
И едва ты сделаешь глоток,
Как бессмертья вечного исток
Ты в прохладе сказочной почувшь.

Ты напешься. Но сперва скажи мне:
Как ты примешь лет бессчетный бег?
Ты напешься. Но для вечной жизни
Вряд ли годен смертный человек.

Сердцем — бог, да ум его беспечен.
Думает, что срок у жизни мал.
Если б знал он, что такое вечность!
Если б только он об этом знал!

Если б ведал он, какую долю
Выберет для тела и души...
Зачерпни моей воды ладонью,
Но губами тронуть не спеши...

Погонщик верблюдов застыл, удивлен.
Вода родника небеса отражала.
В сомненье на миг призадумался он.
Но разум бессилен, коль мучает жажда.

Наполнив живою водою кувшин,
Он очи вознес к небесам бледно-синим.
Но только испить этой влаги решил,
Как стон человека услышал в пустыне.

Он замер, едва оглянулся на стон.
И крик искажил его лик удивленный.
Не Страшный ли суд? И не страшный ли сон?
Лежит голова на песке раскаленном.

— Будь проклята жизнь! — говорит голова. —
И трижды будь проклята влага живая.
Иссохла душа, как в пустыне трава.
Убей меня, путник. Я жить не желаю.

Испил я воды этой. Тысячу лет
Плоды своей глупости я пожинаяю.
В песок закопался. А смерти все нет.
Убей меня, путник. Я жить не желаю.

За что мне несчастье такое дано?
Зачем не погаснет звезда моя злая?
Мое поколение истлело давно.
Убей меня, путник. Я жить не желаю.

Едино мне — мир на земле или бой.
Стрела не берет, и зверье не сжирает.
Постылы мне подвиги, дружба, любовь.
Убей меня, путник. Я жить не желаю.

Да будет короткой дорога твоя.
Бессмертие — это тоска пожевая.
Будь проклята вечно живая земля.
Убей меня, путник. Я жить не желаю.

За что эту горечь веками я пью?
За что навсегда одинок я на свете?
Зачем я тебя понапраспу молю?
Нет жизни во мне. И не будет мне смерти.

Несчастный умолк. Он глядел на закат.
Пылал горизонт бесконечной пустыни.
А путник печальный побрел наугад,
Бессмертье неся в злополучном кувшине.

Но только взошла голубая звезда,
Сжав зубы, собрал он последнюю волю
И бросил кувшин. И сказал: — Никогда...

Песок поглотил животворную воду.

Давно уже путник растаял вдали.
Но там, где вода ключевая пропала,
Пробился бессмертный росток из земли.
И выросла в знойной пустыне чинара.

Чинара в пустыне. Ей вечность нужна.
Пусть ветры и смерчи ее не повалят.
Пусть долгие годы дарует она
Желанную тень на пути караванов.

А ты, человек, о бессмертье забудь.
Не стань в этой жизни печальным изгоем.
Пускай будет краток, но счастлив твой путь,
Хоть счастья вовек не бывает без горя.

Спасибо тебе, моей жизни струна.
Я песню твою не отвергну с годами.
Грустна моя Муза, но все же она
На мир изумленными смотрит глазами.

Приму с благодарностью ветер полей,
Шум речки в горах, запах липы медовый.
Себе говорю: «Ни о чем не жалею.
Да будет он радостным, путь твой недолгий!

И смерть не кляни, пропадая во мгле.
Пусть люди добром тебя вспомнят под
старость,
С кем жил ты однажды на этой земле
И с кем ты однажды навеки расстался».

Определение поэта

Огонь заводит песню золотую,
Гудит, вздымая искры до небес.
Но вновь и вновь, ревя, плеща, бунтуя,
Встает вода огню наперерез.

Когда по лесу носятся метели
И снег еще не тает на лугу,
Подснежников мятежное цветенье —
Как взрывы голубые на снегу.

Мятеж, как жизнь, на свете бесконечен.
В каком бы ни явился ты краю.
Твой крик, едва рожденный человечек,
Звучит, как приговор небытию.

К тебе ладонь мадонны прикоснется.
Весь мир перед тобою. Посмотри —
На битву с ночью вновь солдаты солнца
Собираются под знаменем зари.

А если, хмурясь, туча грозовая
Поля и горы мглой заволокла,
С мятежным громом тучу пробивая,
Мир освещает молнии стрела.

И, пробуждая гневные вулканы,
В земле бунтует гордая душа.
На суше, в небесах, на океанах
Нет жизни, если нету мятежа.

Мне жаль раба, что стонет на коленях,
Устав от упований и надежд.
Но даже в чаше долгого терпенья
Огнем грядущий теплится мятеж.

Я утверждаю — неподвижность ложна,
Нет неба без движения планет.
Живой талант без бунта невозможен.
А мертвого таланта в мире нет.

Талант поэта не возок попутный,
С мечтой людскою слит он на века.
Бунтарь, на смерть идущий, неподкупен.
Умрет поэт — останется строка.

И злу назло добро она посеет.
В защиту лжи пробьет любую брешь.
Поэт — народа пламенное сердце
И бунт его несбывшихся надежд.

Рождение звезды

Счастливая — по всем приметам —
Звезда всходила к небесам,
Когда младенцем и поэтом
Явился в мир Назрул Ислам.

По-детски радуясь, кручинясь,
Еще не ведая молвы,
Он рос. Он понимать учился
Язык цветов, язык травы.

Над ним деревья зеленели.
Дыханье ветра слушал он.
И сладкозвучные газели
Ему звучали в плеске волн.

Пришла пора. И, вскинув крылья,
Даруя радость, муку, боль,
Родник души его открыла
Святая первая любовь.

Любовь, ты над поэтом властна.
Благословляя эту власть,
По-соловьиному прекрасна,
Из сердца песня пролилась.

Но песню мужество венчает.
И в строках смолкли соловьи,
Когда в них скорбный и печальный
Раздался стон родной земли.

Плачь, Индия. Народ несчастный твой
В родной стране лишен страны родной.

Оковы рабства сбросить не сумев,
Плачь, Индия,— печаль моя и гнев.

Плачь, к чужестранцам ненависть тая.
В их чашах не вино, а кровь твоя.

Чьи очи слепнут от кромешной тьмы?
Плачь, песня, за решеткою тюрьмы.

Плачь, Индия. Свершая свой обряд,
В тебя ножи фанатиков летят.

Не от заката Джамна так красна.
Твоею кровью плещется она.

Не Ганг-река качает облака —
Твои рыдания бьются в берега.

О, сколько среди горестных полей
Твоих бездомных гибнет сыновей!

Сквозь слезы о спасении моля,
Плач, Индия, беда и боль моя.

Наверное, иначе пела б
Его поэзии струна,
Когда б на свете этом белом
Он жил в иные времена.

Ведь, семь веков назад родись он,
Была б иной его строка.
Как Дехлеви бы он гордился,
Создав поэмы на века.

Назрул Ислам... Явись на свет он
Тогда, когда творил Бедиль,
Быть может, с лучшим из поэтов
Он славу поровну б делил.

Стихи иные в сердце бурном
Рождала б музыка любви.
Живи он в славный век Бабура,
Не хуже б создал рубай.

Над сладкой розою Востока
Лилась бы песня соловья.
Но каждому — своя эпоха.
И каждому — звезда своя.

Когда беды не превозмочь,
Когда врагу сладка победа,
А ты стране не смог помочь,
К чему тебе талант поэта?

Под ношею невзгод и бед
Народ сгибается. И если
Страданья в твоей песне нет,
Кому нужна такая песня?

— То участь,— слезы лил индус.
— Судьба,— склонялся мусульманин.
Но стих — поэта гордый дух
Звучал, на битву подымая.

Назрул Ислам хранил в груди
Всю боль индийского народа.
Всю жизнь он видел впереди
Его грядущую свободу.

Забитых звали на борьбу
Глаза его мятежным светом.
Смирение дано рабу.
Но не поэту, не поэту.

Он был с народом. И о нем
По всей стране летели вести.
Вся жизнь его была огнем
Бунтарской неподкупной песни.

Мятежная песня

Пой, человек, пока душа пыласт,
Со звездами веди свой разговор.
Пусть ветер над хребтами Гималаев
Тебе дарует волю и простор.

Стань музыкой торжественной и гордой.
Стань песней гор и полноводных рек.
Пой, человек, забыв беду и горечь,
Презрев свой подлый и жестокий век.

Страдает сердце в гневе и обиде.
Так почему ж не слышен голос твой?
Так почему же, рабство ненавидя,
Стоншь ты со склоненной головой?

Богов ты создал. Но забыли боги
И о тебе, и о пути твоём.
Кумир за поклоненье платит болью.
Так стань назло кумиру бунтарем.

Сверкни во мраке молнией мгновенной.
Зажги, как Индра, тысячи лампад.
Ты — Шива, что поднялся над Вселенной,
Ты — Ганга, что возводит жизни сад.

Ни рая песнь, ни пламень адской серы
Не совпадают с песнею борьбы.
Ты — и Бурги безжалостное сердце,
И флейта Кришны с голосом судьбы.

Века тянулся к небу ты руками.
Сушило время слезы на щеках,
Они чужими стали жемчугами.
Огонь отмщенья в этих жемчугах.

Огонь пылает. Бунтовать велит он.
Рабом не оставайся ни на миг.
Тебя зовет минувшее величье —
Святая память прадедов твоих.

Пусть ты умрешь. Но ты умрешь свободным,
До звезд небесных песней вознесен,
Той песней, что дала тебе природа
За то, что ты свободным был рожден.

Умолк Назрул. И все поэты
Сидели, сумрачно тихи.
Один сказал: — Стихи ли это? —
И сам ответил: — Не стихи.

И сразу поползли вопросы:
— Что он плетет нам свысока?
— Где ароматы нежной розы?
— Где соловьиная тоска?

— Неужто это песнь Востока?
— Где пери, ждущая вдали?
— Ну и стихи! С какого боку
Они в поэзию вошли?

— В них нет любви, как меду в яде.
— Я в них не вижу ни строки.
— Нет, ни Хафиз и ни Саади
Ему б не подали руки.

— Он, выводя свои рулады,
На душу тяжкий грех берет.
— Восстал он против шариата,
И не поймет его народ.

— Сам Будда против песен этих.
Он учит истине одной —
Кто муку снес на этом свете,
Тем рай откроет мир иной.

— Младенец глупый и упрямый.
— Еще не испытал он страх.
— К чему поэмы с голой правдой?
— Зачем политика в стихах?

— Мы знаем многое другое,
Что угнетает вольный дух.
Но время нынче не такое,
Чтоб говорить об этом вслух.

Индус ногой о землю стукнул.
Пнул мусульманин твердь ногой.
Сказал один: — Богоотступник.
— Безбожник он, — сказал другой.

— Да, жить свободно должен каждый.
Об этом, уходя под суд;
И мы сказать могли бы так же.
Да только дома дети ждут.

Отступление к вопросу о самоотверженности

Обычай был давным-давно —
Двойная дань жестокой смерти:
Муж умер — значит, не дано
Ни дня жене прожить на свете.

Еще б десятки лет она
Смеялась, плакала, любила.
Но, по обычаю, жена
За мужем шла в его могилу.

Скрипи, скрипи, земная ось.
Веками все, что есть, приемля,
Ты знаешь, сколько пролилось
Сиротских слез в сухую землю.

Средь войн, печалей и отрад
Ничто не знает постоянства.
И лишь смертельный сей обряд
С течением лет не отменялся.

Его в те мрачные года
Лишь мудрые не понимали.
Но, как всегда,— вот в чем беда! —
Есть мудрые, да смелых мало.

Скрипи, скрипи, земная ось.
Но как бы дальше ты скрипела,
Когда б на свете не нашлось
Сердец отчаянных и смелых?

Ни Прометеева огня,
Ни слез в шекспировском сонете,
Ни этих строк, да и меня
Могло б не быть на белом свете.

Однако речь не обо мне.
Ведомый яростным порывом,
Тот юный воин на коне
Возник пред шахом горделивым.

Ему через минуту в бой
Идти по шахскому велению.
Но шах увидел пред собой
Глаза, в которых нет смиренья.

Скрипи, скрипи, земная ось.
Звучи, отчаянья мгновенье.
Услышать шаху довелось,
Чего не слышал он с рожденья.

Пускай стрела меня пробьет.
Пускай паду, клинком сраженный.
Ты видишь будущих сирот?
Ты слышишь, как рыдают жены?

Рассудка я не потерял,
Твое величье сберегая.
Ведь я не только за тебя —
За них иду на бой с врагами.

И страшен мне не смерти миг,
А что свое возьмет обычай.
Тогда будь проклят этот мир,
А с ним и все твоё величье.

Внемли, мой славный господин.
Ведь я иду с врагом бороться
Затем, чтоб дочь моя и сын
Не знали горького сиротства.

Мы все покинем стремена.
Уйдем — кто в славу, кто в забвенье.
И только женщина — она
Грядущей жизни продолженье.

Я сердцем чувствую — умру.
Но, повелитель, на прощанье
Я смелость на себя беру
Тебе оставить завещанье.

Пускай любимая моя
В могилу не уйдет со мною,
А пусть со мной возьмет земля
Мое оружие боевое.

Как гром в небесной вышине,
Та речь над шахом прогремела.
И в наступившей тишине
Печально ось земли скрипела.

Не ржал, вздымаясь, гордый конь.
Героя стража окружала.
Дрожала шахская ладонь,
Лаская рукоять кинжала.

Героя к жизни не вернуть.
Погиб, не унижаясь в страхе.
От лжи до правды долог путь,
Но краток путь от правды к плахе.

Руками белыми как мел
Они глаза ему закрыли.
И меч его, как шах велел,
Зарыли с ним в одной могиле.

Горела летняя трава.
Умчались кони в путь далекий.
Где правды слышались слова,
Поднялся холмик одинокий.

Вошли в него большее стрел
Слова, пропитанные ядом:
«Да будешь ты навек презрен,
Не чтящий дедовских обрядов».

Он похоронен словно вор.
Его бунтарство погубило.
Но женщину с тех самых пор
С любимым не кладут в могилу.

Есть грех — во всем искать покой.
Еще грешнее — терпеливость.
Склонимся же перед землей,
Где схоронили справедливость.

Вам, кому в рабстве не жилось,
Кто взял на бунт святое право,
Вам не скрипит земная ось.
Она в веках поет вам славу.

Калькутта. 1921 год

Горе народу
 во гневе слепому от лжи.
Крики брахманов
 имам, голося, заглушает.
Свищут ножи над Калькуттою.
 Свищут ножи,
Кровь мусульманина
 с кровью индуса мешая.

Дети народов
 в смертельную схватку идут.
Женщины в горе
 глаза к небесам поднимают.
— В бой ради Будды! —
 хрипит ослепленный индус.
— В бой ради мести! —
 вздымает свой меч мусульманин.

Реют клинки,
 и колеблются тени руин.

Вражды ненужной разжигая пламя,
Жестокие в невежестве своем,
Отечество своими же руками
Незванным иноземцам отдаем.

Еще не поздно нам объединиться.
Еще не поздно распознать обман.
Услышьте же, как плачут в небе птицы,
Как стонет наш Индийский океан.

О чем ревут его шальные волны?
И горестная песнь моя о чем?
О нашем счастье и о нашей воле,
Которую мы сами предаем.

Прости, Назрул, мне этот перевод.
Беда с переведенными стихами.
Не тот в них гнев, да и огонь не тот.
Не повторить твое святое пламя.

Что перевод? Лишь тень от волшебства.
Тень боли, тень любви, тень благородства.
И музыки лишённые слова,
Кровь поменяв, теряют первородство.

Твои ж, Назрул, крылатые стихи
Взметнулись над бенгальскою землею.
И лебединый стон твоей строки
Пропел печаль над Индией родною.

И на мгновенье вспыхнула заря.
И, грянув эхом по ущельям горным,
Тебе отозвалась твоя земля
Благословеньем гордого Тагора.

Ты с огненной душою в мир пришел.
Был честен, справедлив и несгибаем.
Но кто родился с огненной душой,
От этого огня и погибает.

Не спас тебя Тагор, не спас народ.
В своей эпохе лишняя страница,
Ты птицей был. За вольный свой полет,
Дитя небес, ты брошен был в темницу.

Твой гордый путь пример нам подает.
Раз ты поэт — пройди огни и воды.
Отдай всю душу своему народу.
И за тебя подымется народ.

Как дождь звучит в засушливом краю,
Пускай стихи звучат над отчим полем.
Пускай народ не все стихи запомнит,
Но пусть он помнит преданность твою.

И чтоб не молкла в сердце песнь твоя —
Ведь ты поэт — так будь отчизне сыном.
Не предпочти своим родным руинам
Пусть райские, но чуждые края.

Отдай ей честно жизни каждый миг.
Пусть имя твое светится в преданьях.
Пускай сама поэзия рыдает,
Когда тебя лишится этот мир.

И если ты на родине своей
Остаться песней хочешь после смерти,
То сам до дна печаль ее испей.
Превыше счастья нет на белом свете.

Полночная баллада

Как странно все в подлунном этом мире!
Не за стихи поэта обвинили.

Во имя справедливости и, вроде
Заботясь — ну конечно ж — о народе,
Суд объявил поэта виноватым
В том, что с ножами брат пошел на брата.

Жара, наверно, судей разморила.
Забыв, что не к войне он звал, а к миру,
Решили: чтоб не ссорились народы,
Недурно бы его лишить свободы.

Как следствие решения простого
Назrul Ислам не днем был арестован.
Для блага дел и для всеобщей пользы
Ведут его в темницу ночью поздней.

Конвойные — индус и мусульманип —
О спину с хряском кулаки ломают.
Лютуют оба, в злобе став едины:

— Мой брат из-за тебя погиб, скотина!
— Индусы моего отца убили.
— Когда б не ты, мы все бы в мире жили.

И у конвойных не отсохнут руки.
Не грянет гром, и небеса не рухнут.

Проулками в глухой ночи украдкой
Ведут в тюрьму оболганную правду.

Но все ж не разуверившись, не каюсь,
Идет поэт, о камни спотыкаясь.

Сумел подарить он прекрасное зренье.
Глаза,
 что не видели белого света,
Увидели
 все многоцветье планеты.

О лекаре слава
 все дальше летела.
А лекарь вершил свое доброе дело.
А лекарь, он шел,
 оставаясь собою,
Путем, что дарован
 счастливой судьбою.

Однако — отмечу я это особо —
Где слава, там сразу же зависть и злоба.
Пред славой
 невежду беспомощность гложет.
И нож клеветы
 выползает из ножен.

И вот уже мечутся
 в злобе бессильной
Тупой заклинатель
 и знахарь спесивый.
И неуч,
 что ложью навек одурманен,
Коран
 во спасенье свое поднимает.
Кричат,
 что ничтожен земной человек.
Коль бог дал болезни, то бог и излечит.
Что тот,
 кто людей избавляет от боли,
Решился на бунт
 вопреки божьей воле.

Что лекаря дело коварно.

И явно,

Что сам по себе он,

конечно же, дьявол.

Толпа,

ты в невежестве веришь кликушам.

И вот уж несправедный гнев тебя душит.

За что в мудреца

ты бросаешь свой камень?

Зачем ты на правду

идешь с кулаками?

Ответь мне, толпа,

отчего ты веками

Себя же терзаешь своими руками?

Зачем обманувшим

вручаешь ты право

Судить свою гордость,

казнить свою славу?

Но как ни зывай —

хоть стихами, хоть прозой,—

Толпа не услышит всех этих вопросов.

Ретивые судьи

безжалостны были.

Сначала певца

утопить порешили.

Потом сгоряча

принимали решение

Вести к эшафоту

с веревкой на шее.

Властитель же

так объявил свою волю —

Мол, грех нам мारать и веревку и воду.

От дьявола только огонь —
избавленья.
И вмиг приступила толпа к исполненью.
...Гудит и волнуется
главная площадь.
К столбу мудреца волокут, словно лошадь.
К столбу,
что вдруг стал его жизни итогом,
Взошел он над хворостом,
вспыхнуть готовым.
К столбу
чьи-то руки умело и ловко
Его привязали надежной веревкой.
Он столб этот больно лопатками чует.
Он в небо глядит,
не надеясь на чудо.
Он сеял добро.
И за это, пылая,
Как сотни кинжалов,
ударило пламя.
Властитель был горд.
Он взирал величаво
На море толпы,
где кликуши кричали:
— Подбросьте хоть щепку,
кто богу послушен!
Вам это поможет спасти свою душу!
Душа ваша будет вовеки нетленна!
И вышел тут старец с охалкою сена.
Он богу
свое проявил послушанье
И вот что сказал мудрецу на прощанье:

Людей исцеляя,
Я жизнь свою прожил.
Но мир... этот мир
Исцелить невозможно.
Гори же, огонь!..
Предрассудки извечны.
Невежества
Травы земли не излечат.
Слепцов выводил я
На свет этот белый.
Но зрячими сделать сердца
Не сумел я.
Прощайте!
Дотла я сгорю этой ночью.
Но ветер
Мой пепел швырнет в ваши очи.

И пламя взлетело
до самого неба.
Высокое пламя печали и гнева.
Над черной толпою
горело не тело,
Горело страдание,
правда горела.

Что скажешь огнем, то не скажешь словами.
И люди в толпе
от огня прозревали.
Стояли. Молчали.
Но с пеплом и ложью
Стирали с ресниц
запоздалые слезы.

...Мы люди.
Над ходом времен мы не властны.
Давно уж над площадью пламя погасло.

Землю свою
 потом поливая,
Почему сама
 ты голодна?
Вековым печалям
 нет предела.
Все свои богатства раздала.
Целый мир
 в шелка свои одела.
А сама
 раздета догола.
Но терпением
 все же ты богата.
Родина любимая, молю —
Не дари мне
 царские палаты,
Подари
 выносливость твою.
Подари мне
 опыт свой безмерный,
Гордость гор и вольный дух степей.
Подари надежду мне
 и веру,
Что тебя увижу
 без цепей.
Обещай,
 что все это случится
И свободен будет твой полет,
Как свободна
 жизнь другой отчизны,
Что за Гималаями
 цветет.
Держат иноземцы
Под запретом
Всех, кто жег мятежные огни.
По застенкам

Мучая поэтов,
Истины не ведают они.

Песню сердца не забить кнутами,
Не укрыть
Тюремною стеной.
И стихи, как птицы, пролетают
Над его несчастною страной.

Слово правды
Побеждает беды.
Не пропало даром ни строки.
Жив в народном сердце
Дух поэта —
Гневные мятежные стихи.

Знают их индус и мусульманин.
И стихи несутся над страной.
К Гималаям.

Ввысь,

За Гималаи

Мчатся,
Облетая шар земной.
С неподкупным именем Назрула
Реют
Птицы вольного пера.
По орбите,
По земному кругу
Мчат их
Чужеземные ветра.

Облетев материки и воды,
К Родине
Вернулся каждый стих,
В Хиндустан дыхание свободы
Опуская на крылах своих.

Начало болезни

Может быть, явь,
ну а может быть, все это снится...

Лунные тени
спускаются с неба к земле.

Тени великих
по каменным стенам темницы
Медленно движутся
и пропадают во мгле.

Слышится голос,
качаемый лунною пылью:
— Как справедли... справедливость,
дарил я стихи.
Но ослепили меня... ослепи...
ослепили...

Это в ночи
говорит о себе Рудаки.

Тень от Фирдоуси
мимо проходит устало.
Стонущий голос:
— Будь проклята эта земля.

Что за удел?
Это я сотворил ей Рустама.
Что ж палачами земными
преследуем я?

Речь Навои
покачнула ночное светило.
— Путь свой во мраке
искал я не день и не год.

Жил

меж лавровым венцом и престолом жестоким.
Нет от упреков
доселе спасения мне.

Может быть, явь?

Ну а может быть, все это снится?
Лунные тени спускаются с неба к земле.
Тени великих по каменным стенам темницы
Медленно движутся
и пропадают во мгле.

Горло Машраба

веревкой навек захлестнули —
Тень от веревки плывет по тюремной стене.
Пушкин проходит,
пробитый дантесовской пулей,
Лермонтов скачет на медленном лунном коне.
В мире одна лишь религия есть у поэтов —
К людям любовь проповедуют вечно они.
Бог — сострадание.

Но за религию эту
Кожу содрали и пролили кровь Насими.
Смотрит Назрул,
и испарина лоб покрывает.
Стены темницы опять озаряет луна.
Птица ли вечности
машет на воле крылами?
Ветер ли смерти
летит сквозь решетку окна?

Белые силуэты

Есть пытка пыток.

Нет ее коварней.

Невыносима,

словно Страшный суд.

От пытки той

не жди следов кровавых.

Ту пытку

Одиночеством зовут.

Безмолвный страх

тюремного порога.

Жизнь из тебя

она по капле пьет.

И сердце затихает одиноко.

Уходит жизнь, а смерть не настанет.

Невыносимо это для поэта.

И темные круги легли у глаз.

Сменяются закаты и рассветы

Неведомо уже

в который раз.

И вот уже в который раз ночами,

Холодный, мертвый излучая свет,

Вдруг возникает

пред его очами,

Весь в белом,

незнакомый силуэт.

В движениях не чувствуется тела.

Качаясь за плечами

словно дым,

Такие же, как он,

и тоже в белом,

Идут с чуть слышным шелестом за ним.
Они подходят, страх вгоняя в душу.
Смертельною тоской сжимая грудь.
И наклоняясь,
шепчут ему в уши:
— Вставай, Назрул.
Вставай, пора нам в путь.

Он криком отгоняет силуэты.
Еще в нем бунт врожденный
не погас.

Но слезы, слезы
по лицу поэта
Текут из широко открытых глаз.

Он покидает каменное ложе.
Куда
от одиночества бежать?
Стихи?
Но он двух строк сложить не может,
Как будто на душе его печать.

Печать?
И этой страшною догадкой
Назрул, как яркой молнией, сражен.
Где музыка,
столь звонкая когда-то?
Ее в душе давно не слышит он.
Неужто
перестал он быть поэтом
И пламя сердца
обратилось в лед?
И песни — те, которые не спеты,—
Он никогда уже не пропоет?

Пусть не сложу я песню, умирая.
Прости, земля, что песен больше нет.
Судьба,

 благодарю тебя заранее
За то, что ты исполнишь мой завет.

Благодарю за путь мой безутешный,
За дар стиха,

 за ночи и за дни.
Мой бог, моя судьба,
 моя надежда,
Молю,
 в последний раз не обмани.

И до небес дошла мольба Назрула.
Он больше не вернется
 никогда.

Крылом взмахнув,
 судьба не обманула.
И покатилась по небу звезда.

Промчался над темницей вольный ветер.
И крики птиц
 послышались вдали.

Великие,
 чей дух всегда бессмертен.
Его навек с собою унесли.

А в той темнице, не услышав ветра,
Не осознав
 счастливый свой удел,
Безумец,
 бывший некогда поэтом,
На небеса бессмысленно глядел.

Возведен незримый мост.
Озаряют наши лики
Светом путеводных звезд
Души тех, кто был великим.

В нас вселяя высоту,
Снами полнят наши очи,
Если друг попал в беду,
Пробуждают среди ночи.

Мы не ведаем о них,
А они всё в мире знают.
Бед и радостей земных
В нас предчувствия вселяют.

С нами те, кто был велик.
Пусть не слышу их дыханья,
Я уверен, что от них
В нас любовь и состраданье.

В нас они вперяют взгляд
С высоты своей лучистой.
День за днем они следят,
Кто в греху, в ком сердце чисто.

В этой жизни каждый миг
Нам они как откровенье.
Тот подлец, кто предал их.
Тот глупец, кто в них не верит.

Не продай своей души.
Им известен шаг твой каждый.
Как ты скрыто ни грехи,
Будешь ты за грех наказан.

Дни и ночи вы мои,
С кровью вы течете в венах,
Дух Надежды и Любви,
Дух неистребимой Веры.

Виден вам бумаги лист,
Лампы свет, перо поэта.
Я с рожденья атеист.
Почему ж пишу я это?

Почему, стихи творя,
Я от вас вовек не скроюсь?
Жизнь моя, судьба моя.
Незапятнанная совесть.

...Критик мой, не торопись
Бить в статьях своих тревогу.
Погляди сначала ввысь.
Бога нету? Нету бога.

Только все же на тебя
Две звезды глядят, мерцают.
Разуверись — скорбя.
А поймешь — благословляя.

Растопи же в сердце лед.
Сразу вечностью повсет.

Самый страшный грешник тот,
Кто поэту не поверит.

Пресса ликует.

Но только зачем ему это?
Это восстанье и эта свобода народа.
В небе бездонном
давно уж обрел он
свободу.

В мир этот лютый
однажды не смог он вместиться.
Духом
из времени
вырвался, как из темницы.
Разум потерял.
Забыты народные боли.
Вольная воля.
Несчастливая, горькая доля.

Прощание

Давно с народом новые поэты
И боль, и радость
делят пополам.
Вдали от всех
сороковое лето
Отшельником живешь,
Назрул Ислам.

Иное время.
Да и жизнь иная.
Лишь ты один,
виновный без вины,
Не видел,
как восставшие изгнали
Всех чужеземцев
из твоей страны.

Глядишь на гималайские вершины.
Ложится тень
на скорбное чело...

...Чуть больше тридцати
на свете жил ты.
А умер,
когда семьдесят прошло.

Великий сын родного Хиндустана,
Не вспыхнет больше свет
в твоих глазах.
Прощай, поэт.
Стихи земле остались.
Прощай, Назрул!
До встречи в небесах.

Преданье о поэтах и пророках

Сорок тысяч различных пророков,
Глядя в небо,
бродило по свету.
В тех пророках
не ведали прока
Сорок тысяч различных поэтов.
И, блуждая среди изречений,
Люди,
словно в потемках, кружили.
Коль пророк призывал
к отреченью,
То поэт —
к наслаждению жизнью.
— Лишь за гробом,— пророки кричали,—
Вы увидите
истинный свет! —

Не взорвись
от прекрасного взора.
Пусть любить ты умеешь,
но впредь
Помни, сердце,
что нам уж за сорок
И пора поспокойней гореть.
Чуешь — дышит в нас холодом север?
Желтый лист
залетает в окно.
И пора нам понять, мое сердце,
Что всего нам понять
не дано.

Древних скал
вековые владенья
И снежинка,
что тает за миг,—
И просты, и сложны беспредельно,
Как наш вечно таинственный мир.
Пусть наш ум бесконечно пытливый.
Но всего не постичь и уму.
Что же истинно?
Что справедливо?
Только время.
Я верю ему.

Эпилог

Дели. 20 марта 1979 года

Волна крепка.
Штормов характер крут.
Огонь, как смерч,
проходит над лесами.

Тебе же
не желаю я блаженства.
Но не желаю и своей судьбы.

Пускай твои мученья над строкой
Родит не жажда блеска и успеха,
А чьей-то боли

стонущее эхо
И совести поэта непокой.
Не для забав нам дан крылатый конь.
Гори, пока ты с жизнью не расстался.
Так я сказал —

Назрул из Хиндустана.
Да будет чист и ясен твой огонь!

Завоеватель и брадобрей

1982

Изрек эмир,—
И весь подвластный мир
Вмиг подчинился грозному кумиру —
Сто тысяч войск вел на Китай Тимур,
Сто тысяч звезд пустив, как пыль по миру.
Стоял сентябрь,
Копытами разбит,
Карнаями по городам развеян,
Как солнце, что в пыли из-под копыт
В столпотворенье заплутавшим зверем
Запуганно стояло. Звезды меркли,
Не мерясь с войском в численности. Так,
Когда в Фарише первый шаг замедлил,
В Сиябе ржал последний аргамак.
И простиралась долгая дорога.
Пустыня. Алатау. Сырдарья...
Так шел эмир,
А с ним его тревога
Или надежда: «Вся земля — моя,
Когда бы довести хотя б полвойска...»
А воины: «Не вовремя поход
Затеял он. Вот-вот минует осень,
И не война — зима нас перебьет».

Но горячи вельможьи мысли. Ах,
Какой огонь в их мыслях и глазах

О караванах,

лошадях,

добре...

И лишь один дремучий брадобрей,
Себя не муча мыслью посторонней,
Качается в седле. Ему легко —
Он десять лет при самаркандском троне
Цирюльником Величества Его
Является. Он гол, как бритый череп,
Без родины, безроден, безъязык.
Какое дело до вельмож, до черни
Ему, кто сам изгоем быть привык?
Вот повелели —
Всё одна дорога,
Что Индия, что Рум или Китай...
Коль грянет бой — не он пробьёт тревогу,
При дележе не взвоят: «Налетай!»

Он мирно дремлет.
Мерно дни и ночи
Идут к неделям,
Те же к месяцам...
И вот, в Отрар войдя,
Он среди прочих
Был встречен вьюгой.
Вьюге той конца
Не виделось, как, впрочем, и начала.
Идти вперед — что повернуть назад.
И стало войско. Вьюга же крепчала,
Из веток снежных вырос целый сад.
И в нем метель мела, словно метелка,
Все погребая под шатром в сугроб.
«Вот и телец ваш превратился в тёлку...»
Так брадобрей смеялся во весь рот.

А вечером Тимур собрал совет.
Сказал, как отрубил:
«Ничто морозы».
Но вот впервые больше чем угрозу —
Сомнение услышал он в ответ:
«Вернемся, а не то — погибло войско.
Ты знаешь Алатау, наш эмир.
Мороз растопит наше войско воском —
И будет грех, что не забудет мир».

Он ночь не спал, Хромец-завоеватель,
Вышагивая. А пришел рассвет —
Он повелел: в том поле, что как скатерть,
Побрить его пред войском. Стал он сед...
Была в решенье том такая мудрость,
Что лишь ему, Великому, дана.
Он в бездне этой, что зовется утром,
Ногой нащупал стремя дня и дна.
Нет, неспроста на знамени знаменьем
Меч-полумесяц также колченог...
Вот с бритвой, наточенной как клинок,
С салфеткой белой брадобрей бессменный,
Минутой раньше вытащен с постели,
Стоит перед эмиром на ветру,
И зуб на зуб не попадет, а тело
Отыскивает душу поутру.

Но что душе такая оболочка,
Когда в дохе подохнуть нехитро!
Вдыхая холод той метели склочной,
Завоеватель обнажил нутро,
И в ледяной пустыне безразличья,
Неразличим, как снег на седине,
Соединился он с немым величьем
Зимы на белом гипсовом коне...

И брадобрей душой своей смущенной
Молву припомнил: что Тимура дух —
Как каждый вдох, и если даже вдруг
Подохнут все — он духом возмущенным
Китай задушит. И от этих дум
Отпрянула змеёю мысль иная,
И, о добре все мысли подминая,
Она владыкой захватила ум
Цирюльника. — А что... когда Владыка
Под лезвием... Есть жилочка одна
Тонюсенькая... — Вверх пополз кадык, и
В гортани комом встала не слюна —
Вина от мысли жгуче-кровожадной:
Страна чужая будет спасена,
И конница стотысячелошадной
Останется... И власть ему дана?..
И он Владыка здесь?
Или ничтожен,
Как волосок на сбритой бороде?
О, где
 не правда, где граница, боже,
Меж мыслью втуне и поступком,
Где?!

Он озирается, ища себе подмоги
И оправдания в глазах немой толпы.
«Эмиру — мир,
Вельможам — кто что сможет,
А нам бы жить, когда бы не клопы...»

Нет, он не клоп!
Мир потрясти он сможет!
Он сможет, сможет жизнь переступить.
И из салфетки, будто бы из ножен,
Мечом он вытащил одну из бритв.

В его руках сверкающая бритва
Ему казалась лезвием судьбы —
Страшной царя, кровопролитней битвы
У горла жертвы на весах судьи.
Ему казалось — это меч возмездья,
А он — спаситель толп и толп немых,
Взирающих на Тимурленга вместе
С цирюльником, как на людей иных.
А что ему?
Пусть будет то, что будет!
Мелькнули имена и времена...
Занес он бритву, задрожали губы,
И взгляд на взгляд наткнулся... Тишина
Своим морозом кожу продирала.
Или и вправду был такой мороз,
Когда из глаз Тимура выпирало
То,
что страшней, чем слезы и вопрос:
«Слюнтяй, смотри же в зеркало поглубже —
Там бездна та, чему предел ища
Камчою свищет, словно службу служит
Как смерть
молниеносная душа!»

«Нет! Нет!
Где правда? Где же эта правда?!
Неужто так ничтожен человек?!»
Да!
И ему ничтожество — отрада,
В спокойствии полуприкрытых век.
Не здесь, не в нем зарыта ли собака
И львиной долгой разве же не он,
Как два зрачка, своим пометил знаком? —
Кто видит сон, кто исторгает стои.
И все исчезло во мгновенье ока —
Владыка грозный, тихий брадобрей,

Все потонуло в гулком, как потоки:
«Довольно!
Брей, собака, поскорей!
Эмир замерз, а ты все бритву точишь.
Что медлишь? Погляди, какой мороз.
Или плетей за промедленье хочешь?»
И перешли вельможи от угроз
Сейчас же к делу. И упала бритва,
И нить события пересекла...
И через миг все было шито-крыто,
И шли обычным ходом все дела.
Брил брадобрей, слеза с ресниц свисала,
Снег засыпал, и мысль его спала.
И только что-то в нем ждало начала
Вне спора воля — в бессилье зла и зла.
И задрожал от холода Владыка,
И брадобрей решил: «А что спешить?
Что искушаться тем, что скучно жить?!»
И стал точить он бритву

тихо, тихо,

Не как убийца, но теперь как тот,
Кто белых рук не измарает кровью,
Кто рабским снегом царское здоровье
Подкосит,

дав всему обычный ход.

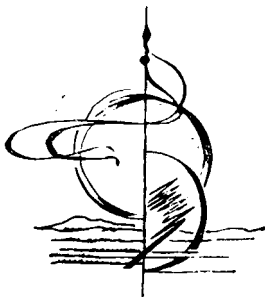
Владыка дрогнул.
Мастер ощутил,
Как трещина пошла вдоль по зеркалу...
Пишите, летописцы!
Вам в анналы
Цирюльник Властелина отпустил.
Вы, писари,
Историки столетий,
Кто слышит гул вращения колеса
Истории,

вы у себя отметьте

Зиму, Отрар и эти голоса
Среди всех царств, философов, восстаний
Среди того, что стоит ли гроша,
Да будет мастер жив и да восстанет
На волоске от острия ножа!

Вы, Византия, Индия и Чин,
Склоните главы перед тем, кто хмуро
Точил свой нож над головой Тимура,
Не тронув нити следствий и причин,
Вдоль по которой через тьму веков,
Как ток молниеносного разряда,
Моя стрела, замоченная ядом,
Разбила смерть Тимура от оков...

Так кончилось преданье.
Началось
То, что до нас все продолжает длиться —
Пред Мастером мы опускаем лица...

Содержание

<i>Р. Рождественский. О стихах Эркина Вахидова</i>	3
--	---

Стихотворения

На дороге жизни. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	9
* Рассвет. <i>Перевод Х. Исмайлова</i>	11
* «Подруга радуется мигу...» <i>Перевод А. Файнберга</i>	12
О скромности. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	13
Экскаватор. <i>Перевод Н. Панченко</i>	14
«Я в поезде ехал, скакал на коне...» <i>Перевод А. Налбандяна</i>	15
* Ива. <i>Перевод Х. Исмайлова</i>	16
Сталь. <i>Перевод Н. Панченко</i>	19
Башня. <i>Перевод А. Наумова</i>	20
* Память. <i>Перевод Х. Исмайлова</i>	22
* У могилы героев. <i>Перевод А. Наумова</i>	23
Девочка. <i>Перевод Н. Панченко</i>	25
Ночь в Самарканде. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	26
Глубина. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	27
Стихи про стихи. Шутка. <i>Перевод Н. Панченко</i>	28
* «Время — деньги...» <i>Перевод Х. Исмайлова</i>	31
* Азгануш. <i>Перевод Х. Исмайлова</i>	32
* Прощание. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	33

* Нервы. Перевод Х. Исмаилова	34
Тыква. Перевод Н. Панченко	35
«О, были ль ваши помыслы чисты...» Перевод А. Наумова	36
* Сон в небесах. Перевод Х. Исмаилова	38
Восточная легенда. Перевод Н. Панченко	41
* Верность. Перевод Х. Исмаилова	46
* Вечер над рекой. Перевод Х. Исмаилова	47
«Не подыскав стихам своим названья...» Перевод Ю. Казанцева	48
* Ресницы. Перевод Х. Исмаилова	49
Маятник качает головой. Перевод А. Налбандяна	50
На вокзале. Перевод А. Налбандяна	51
Прошедший день. Перевод Н. Панченко	52
«Друзья...» Перевод Н. Панченко	53
* День и ночь. Перевод Х. Исмаилова	54
* Женам ученых. Перевод А. Налбандяна	55
Узелок на память. Перевод Н. Панченко	56
Родник. Перевод Н. Панченко	59
Всю ночь проплакал соловей. Перевод Н. Пан- ченко	60
Бутон. Перевод Н. Панченко	61
«Над головою человека...» Перевод Н. Панченко	62
Мечтать — не порок. Перевод Н. Панченко	63
Сердце поэта. Перевод А. Налбандяна	64
«Учителю сказал я: — Вместе с вами...» Перевод А. Налбандяна	65
Монолог Абдуллы Набиева. Перевод Вл. Са- вельева	66
Фотография. Перевод Т. Кузовлевой	68
Детство. Перевод Т. Кузовлевой	69
Сердце и разум. Перевод Т. Кузовлевой	70
Кардиограмма. Перевод Н. Панченко	73
Абай. Перевод Н. Панченко	76
Потерянное стихотворение. Перевод А. Налбан- дяна	79

Письмо к друзьям. Перевод А. Налбандяна	82
Вера. Перевод Н. Панченко	85
Дети. Перевод Н. Панченко	89
* «Ни минуты нету лишней...» Перевод Х. Исмаилова	92
Господь и сапожник. Перевод Н. Панченко	93
«Словно дети, боясь...» Перевод Н. Панченко	94
«Открытый мной...» Перевод Н. Панченко	96
Железные гении. Перевод Н. Панченко	98
Молодым поэтам. Перевод Н. Панченко	101
Страус. Перевод Н. Панченко	104
«Родился он на свет — болтливей бубенца!...» Перевод Н. Панченко	105
Сожаление. Перевод Н. Панченко	106
Длинные стихи. Шутка. Перевод Н. Панченко	107
* Живые планеты. Перевод Х. Исмаилова	110
Философия выгоды. Перевод Н. Панченко	112
Желание одиночества. Перевод Н. Панченко	115

КАНАДСКИЙ ЦИКЛ

Песня забвения. Перевод Н. Панченко	117
Миллионер. Перевод Н. Панченко	120
Монолог зла. Перевод Н. Панченко	122
Пароход «Алишер Навои». Перевод Н. Панченко	124
* Диалог на представлении в Ванкувере. Перевод А. Файнберга	126
1. Лев	126
2. Укротитель	127
3. «Страдальческое вскинулось лицо...»	128
* Аксакалы. Перевод Р. Бухараева	129
* В минуту песни не порвись, струна. Перевод Х. Исмаилова	131
* Шляпа Матмусы. Перевод Х. Исмаилова	132
* Матмуса-силач. Перевод Х. Исмаилова	133
* Ляган Матмусы. Перевод Х. Исмаилова	135

* Любопытный Матмуса. Перевод Х. Исмаилова	136
* Матмуса и тандыр. Перевод Х. Исмаилова	138
Родимый берег. Перевод Р. Казаковой	140

П о э м ы

Стон земли. Перевод Н. Панченко	143
Поэма, написанная в палатке. Перевод Вл. Савельева и Т. Кузовлевой	152
Преданность. Перевод Н. Панченко	183
Восстание бессмертных. Перевод А. Файнберга	191
* Завоеватель и брадобрей. Перевод Х. Исмаилова	244

Вахидов Э.
В22 В минуту песни не порвись, струна...
Стихотворения и поэмы: Пер. с узб./
Вступ. ст. Р. Рождественского. — М.:
Худож. лит., 1986. 254 с.

Созидательный труд народов нашей страны, интернациональная дружба — главное в произведениях советского узбекского поэта Эркина Вахидова.

В книгу вошли наиболее известные его стихотворения и поэмы из сборников «Утреннее дыхание», «Сердце и разум», «Моя звезда».

4702570200-310
В _____ 108-86
028(01)-86

ББК 84Уз7

Эркин Вахидович Вахидов

В МИНУТУ ПЕСНИ
НЕ ПОРВИСЬ, СТРУНА...

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Редактор
Р. Ф а т к у л л и н а
Художественный редактор
Т. С а м и г у л и н
Технический редактор
Л. З а й ц е в а
Корректор
Г. А с л а п я н ц

ИБ № 4378

Сдано в набор 18.12.85. Подписано к печати 07.03.86. Формат 70×90/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,34 + 1 вкл. = 9,37. Усл. кр.-отт. 9,66. Уч.-изд. л. 9,24 + 1 вкл. = 9,27. Тираж 10 000 экз. Заказ 1671. Изд. № II-2278. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Типография издательства «Калининградская правда». Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.